

НИКОЛАЙ ОБОДНИКОВ

АД НАХОДИТСЯ У ОКЕАНА

В ЭТОМ МИРЕ НЕТ ГЕРОЕВ,
ЕСТЬ ТОЛЬКО МОЛОТКИ

18+

Николай Ободников

Ад находится у океана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70224286

SelfPub; 2024

Аннотация

Что делать, когда в реальность вторгаются чудовищные образы умерших и никогда не живших? Как быть, если школой заправляют «звездные женщины», учиняющие кровавые расправы над учениками? Где искать спасения от отца, способного нанять школьного отморозка ради надуманной справедливости? Выход есть. Нужно лишь скрупулезно вносить надвигающиеся ужасы в красную тетрадь под названием «Этхалсион», надеясь таким образом изгнать их. Главное, смотреть прямо перед собой, что бы ни творилось. Именно это и происходит с Эвой Абиссовым. Жизнь его сложна и запутана. Даже собственное имя портит ему кровь. Однако не всё сводится к психозам отца и галлюцинациям. В бедах Эвы повинна зловещая сила, и любящая мать – олицетворение той силы, самое безжалостное существо на свете.

Содержание

Предисловие	4
Пролог	5
Часть 1. Пятница	28
Глава 1. Что-то страшное грядет	28
Глава 2. Дявоськи вкусное	51
Глава 3. Подготовка к шалости	68
Глава 4. Шалость	82
Глава 5. Все виды расплаты	101
Глава 6. Странности Орджоникидзе	123
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Николай Ободников

Ад находится у океана

Предисловие

Наверное, стоит сказать пару слов о том, какие места поджидают вас в пути. Это не займет много времени. Вы пройдете по аллее Материнской Любви и непременно свернете на бульвар Отцовской Ненависти. Не исключено, что по дороге вам удастся перехватить стаканчик холодного.

Эта книга – непреднамеренная попытка разобраться в истоке эмоций, что подчас сводят с ума любого родителя. Или же эта книга – одно сплошное оправдание. Как угодно. Мне нравятся оба варианта. Как бы там ни было, прежде всего я хочу, чтобы вы провели несколько прекрасных вечеров за чтением. И не ругайтесь, если мне удастся напугать вас или шокировать. Такая уж у меня работа.

Развлекайтесь, а я пока помою персики.

Пролог

1

Музыка гремела и гремела. Били барабаны, гитары изрыгали риффы, превращая кровь в высокооктановый бензин. И каждую секунду эта смесь из топлива, пота и адреналина воспламенялась. Факелом выступал патлатый парень, чей хриплый голос высекал искру и швырял ее в летний зной.

Поле на два гектара заполняла стотысячная толпа, внимавшая пьяному мессии на сцене. Исполнялась песня о симпатии к дьяволу, и публика прониклась ею настолько, что с пустыми лицами подпрыгивала на месте, расплескивая пиво себе на головы. Находиться здесь, под палящими лучами июльского солнца, могли только безумцы. То и дело в воздух, куда-нибудь вбок или под ноги выстреливали разноцветные пенистые струи, не найдя себе места в переполненных желудках.

Если бы трава, выстилавшая просторы Тверской области, могла говорить, она бы поведала о десятках различных вкусов, что ей довелось попробовать.

За ходом рок-фестиваля «СЕМИЛЕТНЯЯ СМЕРТЬ», с его падениями, музыкальным рычанием, доносившимся от далекой сцены, наблюдали пять женщин – подросток, три девушки и дама в темных очках. Все пятеро благоразумно держались тени бело-синих навесов, под которыми протянулись

лотки с фастфудом и холодильники с напитками.

– Славный паренек, – наконец произнесла Ню́ра. За линзами темных очков с трудом угадывались ее глаза – крупные и непроницаемые, как у совы.

Сам «славный паренек», с влажными губами, в черной футболке с нарисованным порванным барабаном и в шортах, ни о чём не догадывался. Он усердно размахивал бутылкой пива, не обращая внимания на лезшую из горлышка пену. Два его дружка занимались тем же – с той лишь разницей, что компанию им составляла парочка раскрасневшихся девиц, одна из которых всё порывалась задрать розовую майку. Наконец мелькнула грудка, вызвав хохот.

– Ой, а кто это у нас не торопится, кто не торопится? – пропела Шафран. Для своих шестнадцати она выглядела совсем ребенком. Большой худой девочкой, задержавшейся у древа созревания лишь для того, чтобы сорвать плод и в одночасье преобразиться. – Какой дурак. Может, он в развитии отстает? И вы только посмотрите на этих кобыл! Таким только пинка не хватает.

Крисси, обгонявшая Шафран на два года, приобняла ее. Лабрет, украшавший нижнюю губу Крисси, ярко вспыхнул на солнце, но Шафран не обратила внимания на этот злоеущий сигнал.

– Ты хочешь вернуть их в табун, Шафи, я угадала?

– Да, – буркнула Шафран и быстро добавила: – Как можно так липнуть к парням? Будто лошади! Грязные, красно-

щекые лошади, которым лишь бы... распалиться!

Крисси с пониманием покивала головой:

– И ты бы всё сделала по-другому? Лучше, чище, изощреннее, да?

– Разумеется.

– Но занять ты хочешь не их место, я права?

Шафран осеклась, с трудом понимая, что Крисси вытягивает из нее правду, за которой ничего хорошего не последует.

– Да! – выпалила Шафран, отпихнув засмеявшуюся Крисси. – Да! Разве не ясно?! Я хочу быть на ее месте! Может, и буду! – Она неуверенно закончила: – Когда-нибудь...

Все посмотрели на Беату.

Она ощутила на себе внимательные и отчасти завистливые взгляды. Ей завидовала не только Шафран. Возможно, еще Крисси и, как ни странно, Нора.

«Нора, – с улыбкой подумала Беата. – Моя мудрая и верная Нора. Даже тебе жаль, что я – не ты. Хотя в этом ты ошибаешься, о да. Каждая из вас – это я, нравится вам это или нет».

Черные волосы Беаты блестели, как могла бы сверкать на солнце крошка перемолотого черного оникса или ровное пятно свежего гудрона, положенного на асфальт. Белая кожа, отвергавшая любые попытки загореть, только подчеркивала глубокий цвет волос, получая взамен оправу для белизны. Но остальных привлекала, конечно же, отнюдь не ее кон-

трастная внешность.

– Поцелуй меня, Шафи.

– Что? – Шафран побледнела. – Ну не надо, Беа! Я же пошутила! Кому вообще захочется быть на твоём месте! Без тебя мы не попадем в Город!

– Поцелуй, говорю.

– Ну, Беа! Пожалуйста!

Губы Норы и Крисси растянулись в улыбке. Ангел, одногодка Беаты, безучастно наблюдавшая за происходящим, шагнула к Шафран. Со стороны могло показаться, что старшая сестра наклонилась к младшей, чтобы сказать ванильную глупость, от которой юное сердечко обязательно забьёт крылышками.

– Делай, что велено, Шафи. А если ты ещё раз ослушаешься Чёрную Мать, я отрежу тебе кончик носа и положу в дырочку монетку, – с деланой заботой проговорила Ангел. – А потом ещё одну. И ещё. И буду класть их до тех пор, пока ты не зазвенишь, как свинья-копилка. Динь-динь. Мне кажется, я уже слышу звон.

– Я тоже, – вставила Нора.

Щёки Шафран налились краснотой, высветив едва заметный пушок. Она сделала нерешительный шаг, и Беата притянула ее к себе. Язык при поцелуе обожгло; слюна начала взбиваться в густую пену, заполнявшую рот.

Беату мало волновало, что происходит с Шафран. Она не сводила глаз со «славного паренька», который не прекращал

размахивать пивом и трясти головой в такт гремевшей музыке.

Наконец он заметил целовавшихся девушек. Явление, в общем-то, довольно обычное для рок-фестиваля. Но Беата и остальные, даже терявшая сознание Шафран, знали, что отличие этой сценки от прочих других – разительное. Черноволосая, с неестественно белой кожей, в пурпурном сарафанчике, Беата выглядела ночным хищником, выбравшимся на солнце, чтобы закачать в жертву литр чистой тьмы. Обмякшая Шафран только усиливала этот образ.

Когда с поцелуем было покончено, Шафран, потерянная и изумленная, сделала пару неуверенных шагов. Ангел и Крисси с улыбками замерли, ожидая, когда она рухнет им под ноги. Нора посмотрела на них поверх очков, и девушки с неохотой подхватили Шафран. А ту уже сотрясал припадок, выгибая тело дугой и рисуя толстые жилы под кожей. В уголках губ показалась пена.

– Нам с ней долго возиться? – поинтересовалась Крисси. Она зашипела, пытаясь удержать руки Шафран, пока Ангел шарил пальцами у обморочной во рту, проверяя язык и убирая избыток слюны.

– Минут десять, – отозвалась Беата, – не больше.

– А ты сегодня добрая, Беа.

Нора засмеялась:

– Вспомнила полдня, проведенные в кресле? Зависть – плохое чувство, Крисси.

– Я, пожалуй, в тир запишусь. Такого вы точно ожидать не будете.

На этот раз смех подхватили все. Даже Шафран сподобилась на тень улыбки.

– Он идет, – заметила Ангел. Она уже вытерла руку о траву и теперь просто ждала, положив голову Шафран себе на загорелые колени.

Парень, спотыкаясь и разбрасывая ногами пластиковые стаканчики, приблизился. По его изумленному лицу было видно, что он больше пьян от свежего воздуха и музыки, нежели от пива.

– Жарко сегодня, да? – произнес он. Взгляд серых глаз устремился к Шафран. Та как раз вяло цеплялась за Криси. – С ней такое часто бывает? Выглядит опасно. Тут неподалеку медики дежурят. Если хотите, могу сбегать за ними. Я бы мог и вашу подругу отнести, но, боюсь, она мне всю спину исцарапает. Не то чтобы мне пришлось скрывать это от своей девушки, я не о том. Я к тому, что у меня ее нет, а царапины – они ведь отпугнут любую, правильно? – Парень смущенно улыбнулся. – Господи, ну я и нагородил, да?

Беата взглянула на «сестер», убедилась, что те притихли. Только после этого заговорила.

– Позволь и мне быть честной. Я *хотела* твоего внимания. Хочу и сейчас. Хочу получить его целиком и без остатка. Как думаешь, мне это удалось?

– Ого, а это и впрямь честно. А если бы подошел кто-ни-

будь другой? Или я, скажем, смотрел бы в другую сторону?

– Для других есть *другие*. Для тебя есть только я.

Парень сделал неопределенный жест и нахмурился, будто солнце чересчур сильно прижарило ему копну каштановых волос. Наконец опять заулыбался.

– Сава. Или Савелий. Как угодно. Будущий потрошитель школьной указкой.

– Беа. Или Беата. Как угодно. Твоя будущая жена.

– Моя... – Сава запнулся на полуслове. Обернулся, ища помощи у приятелей, но те продолжали тискать девиц, подцепленных у южной оконечности поля. – Моя... Это какая-то шутка?

– Попробуй положить эту фразу на язык и произнеси ее, покатай во рту. – Голос Беаты каким-то образом заглушил рев толпы и усиленное динамиками рычание со сцены.

Севшим голосом Сава сказал:

– Ты – моя будущая жена, Беа.

– И ты будешь проклят и презираем, если вдруг выяснится, что это неправда?

– Да... Да, господи!

Сава вдруг понял, что не владеет собой. Окружающий мир смазывался, словно по его очертаниям пробежали кошачьи лапки. Лишь одно оставалось четким – указательный пальчик Беаты, показывавший на межключичную впадину, куда обычно женщины бросают капельку духов. Оторопь, вызванная ее странными словами, окончательно схлынула.

«Я как будто в ловушке у миража с чернейшими волосами и белейшей кожей», – подумал Сава и тут же позабыл эту мысль.

Позабыл он и то, как мираж привлек его к себе.

2

Снаружи гроыхнуло, и Сава вздрогнул. Он оперся на локоть и повернул голову в сторону окна. Сквозь жалюзи был виден один из уличных фонарей, освещавших парковку. В его свете мерцали серебристые зернышки. Казалось, где-то в ночи возникло огромное существо, притащившее с собой севалку, полную чистых белых зерен. И теперь тварь, загребая зёрна водянистой лапой, сеяла, сеяла и сеяла...

Подброшенный внезапной догадкой, Сава соскочил с кровати. В голове застучали молоточки, пытаясь раздробить камень беспамятства. Он добрел до своей одежды, брошенной на полу дешевенького гостиничного номера, и отыскал темные силуэты двух продавленных кресел. Плюхнулся в одно из них. Подкинул голой ногой валявшуюся поблизости скомканную грудку тряпья.

«Что это? – тупо подумал Сава. – На одежду не похоже, только если ты не слон, нуждающийся в рубашке сто пятидесятого размера».

За окном продолжали пересыпаться серебристые зернышки, и память неожиданно сдалась, выпуская своих пленников.

«Сутки? Как пожелаете. Первый этаж, так что вы никому не помешаете. И всё же будьте потише, пожалуйста».

«Вы нас не услышите. Спасибо. Надеюсь, за такую цену в номере сыщется рабочий душ?»

«Ну, разумеется».

«Уж поверь, Сава, отныне этот прохвост чужую задницу, как и свою, только учует, но не услышит».

«Господи, Беа, разве можно так говорить при людях? Боже! Приятель, у тебя, кажется, кровь из уха пошла».

«Что? Парень, ты можешь говорить громче?»

Воспоминание было далеким, точно окутанным ватой. Сава наклонился к одежде и на ощупь отыскал в шортах смятую сигаретную пачку. Откинулся в кресло, закурил. Мир за окном, словно состоявший из одних лишь серебристых зернышек да фонаря, внезапно вспыхнул и приблизился. Казалось, озаренная молнией парковка намеревается ввалиться в номер через окно.

«Один... два... три...» – принялся отсчитывать Сава. Но делал это машинально, бездумно. Всё его внимание приковали предметы, которые с уверенностью можно было назвать уликами.

Мгновение назад на столике, втиснутом между кресел, отразили отблеск молнии и пропали плоские прямоугольники. Индивидуальные упаковки. Все три целые, невскрытые.

Презервативы.

Наконец взревел гром, ставя внушительную точку в отсче-

те на цифре «шесть». Сава поежился, ощущая озноб, разливающийся по телу, и перевел взгляд на тряпье, которое не так давно поддел ногой.

«Простыня, – наконец-то сообразил он. – Стянутая... нет, сорванная с кровати. Со следами чего-то темного. Похоже, именно так выглядят слезы прощания с невинностью. Если это не кровь, то кто-то неумело изобразил маленькое пятно Роршаха».

Сава затянулся, ощущая, как дым почему-то наполняет не легкие, а голову, делая ее еще тяжелее. Посмотрел на Беату. Дождливый полумрак только подчеркивал контуры ее тела. Девушка, обхватив подушку двумя руками, посапывала. На миг Саву охватило омерзение, словно он обжимался с черноволосой и белокожей тварью, свалившейся прямиком со скользкого ночного неба, на котором невозможно удержаться.

События фестиваля прокручивались перед мысленным взором с медлительностью мельничных жерновов. «Я каким-то образом познакомился с... Беатой. Или с Беа. Или... со своей будущей женой?» Воспоминание было окутано духотой поля и запахом, похожим на аромат мандаринов, которые облили бензином, но так и не подождгли.

Возможно, виной всему был фастфуд, все эти фургончики и лотки, чья задача, похоже, сводилась лишь к одному – продать как можно больше зеленоватых крылышек и таких же просроченных сосисок, хранящихся в бочках со слизью.

– Пищевое отравление? – прошептал Сава. – Неплохо, мисс Марпл, неплохо. А теперь вспомни о том, что бывает, когда дерешь глотку на самом солнцепеке. Как тебе такое, а?

Но вспомнил он о другом. О знакомстве с подругами Беаты. Они все показались ему странными. Их не интересовал треп, который обычно предшествует легкому знакомству. Все эти «Сколько лет? Что пьешь? Какая музыка тащит?» их не волновали. Вместо этого они спросили про «Шесть вечностей Ангра-Майню».

– Господи, зачем им вообще понадобилась эта дрянь? О ней позабыли, и слава богу.

Да, *почти что* опубликованная и уничтоженная книга его отца была позабыта, это так. Однако всё равно находились те, у кого возникали вопросы. В основном это были охотники за сверхъестественным – из тех, что собирают фотографии призраков или коллекционируют кукол, у которых на макушке растут человеческие волосы.

Беата и ее подруги не производили впечатления шизанутых исследователей спиритических снимков или пугающих игрушек. Саве они казались обычными дамочками, которым попросту не повезло натолкнуться в интернете на историю книги. А все страшилки делаются еще страшнее, если их иллюстрируют фотографии очевидцев или жертв, верно? А его снимок там имелся, к бабке не ходи.

Кем он для них был, жертвой или очевидцем, – гадать не хотелось.

Так что Сава ограничился тем, что подтвердил родство с автором. Да, это его отец. Да, именно Адам Абиссов написал «Шесть вечностей Ангра-Майнью». Не осталось ли экземпляра, хоть одного? Увы, нет. Да, этот человек мертв. Как он жил? Как и умер – псом, скалящимся на миски. Не похоже на правду? Что ж, правды теперь никто не узнает.

Куда удивительнее другое. И вот тут Сава не был уверен, что случилось на самом деле, а что выглядело как последствие солнечного хука.

Когда он и Беата, выдыхая друг другу в лицо, ввалились в номер, за ними последовали ее подруги. И двигались они при этом странно, будто кошки, забравшие всё масло с полотна, на котором были изображены.

Мысли Савы начали путаться, и он затушил сигарету. Уставился в окно, вслушиваясь в звуки ночного дождя. Дальнейшее мало походило на реальность. Да, он занимался с Беатой любовью, и ему в жизни не было так хорошо. Вроде бы. Только барахтались они отнюдь не одни. Ее подруги, эти обладательницы непривычных имен, Нора, Крисси, Шафран и Ангел, сопровождали его тело поглаживаниями, пока он и Беата были теснее пальчиков в кулаке.

А еще они все как будто что-то говорили ему.

На мгновение сознание Савы заволокла тошнотворная картина.

Тогда, в закатных лучах, он видел только губы и широко раскрытые темные глаза Беаты. Но сейчас, в краткой вспыш-

ке воспоминания, они смешались в черно-красную воронку. Если так подумать, то под ним лежала черноволосая девушка, чье лицо походило на утекающий зыбучий песок красных и черных цветов. Было ли это в действительности?

– Засей черное поле, засей черное поле, – пробормотал Сава. Он был уверен, что Беата и остальные как одержимые повторяли эту фразу. На ум пришла еще одна. – Кто сеет ветер, пожнет бурю... Господи, а что посеял я?

Не желая больше копаться в этом, Сава вернулся на кровать. Лежать на одеяле, заменявшем испачканную простыню, было неудобно, но он не замечал этого. Его взгляд приковала Беата – настоящая правда, что с ним приключилась. А разве женщина, за которую хочется отдать жизнь, не может так называться? Настоящая правда, до встречи с которой весь мир будто бы существовал в тумане или не существовал вообще.

Словно ожидая, когда он ляжет, Беата открыла глаза и улыбнулась. Полыхнула еще одна молния, показав, что предметы могут становиться то ближе, то дальше.

– Что я посеял, Беа? Это ведь случилось, правда?

– Да. Но не бойся. Кому предстоит тьма, берет свечу. А у нас с тобой будут все свечи мира.

– Ты и впрямь моя будущая жена, Беа?

– Единственная и вечная. Это предрешено. Как и то, что мы пожнем самую великую бурю.

– Мне страшно.

– Тогда иди ко мне, мой испуганный малыш.

Именно так Сава и поступил.

Но этого разговора, как и многого другого, он так и не вспомнил.

3

Прошло положенное природой время, и чресла Беаты произвели на свет чудесного мальчугана. Правда, самого сына Сава покамест не видел. Рейс из Москвы до Петропавловска-Камчатского задержали, и Сава возблагодарил идиота, затеявшего перепалку со стюардом за десять минут до взлета. Внутренности бунтовались при одной только мысли о присутствии на родах, так что горлопан, от которого разлило как от прокуренной шотландской волынки, превратился в избавителя от Великого Ужаса Рождения.

А потом пошли вещи позанятнее.

К удивлению Савы, Беата в графе «ИМЯ НОВОРОЖДЕННОГО» указала крайне необычное слово. Именно слово, а не имя.

«Эва».

Сава слышал, как среди медсестер, сновавших в коридоре, то и дело проскальзывает осуждающий шепоток.

– Эва Савельевич Абиссов? – Улыбка, которую он натянул, явно приходилась лимону дальней родственницей. – Что это вообще за имя такое?

Беата, уставшая, но определенно счастливая после родов,

улыбнулась. Она буквально утопала в белоснежных подушках и паривших воздушных шариках, содержавших поздравления и пожелания здоровья роженице и дитяте.

– Тебе не нравится? Замечательно же выходит, дорогой: Сава и Эва. Как два братца-пальчика. Один – постарше, другой – помладше.

– Ну да, – пробормотал Сава. – Постарше и помладше, ну да.

«Воздушные шарики, – совершенно некстати подумал он. – Сколько же тут воздушных шариков? Не меньше двадцати, это точно. Их доставкой явно занималась Ангел. Или Нора. Такие бы и дьяволу спички продали. И разве это не запрещено? Это же больница. А еще я не помню, чтобы мы обсуждали имя малыша. Совсем».

На одном из шариков, белом сердце, парившем над пластиковым кувшином с водой, имелась приписка, сделанная красным фломастером: «БУДЬТЕ УВЕРЕНЫ, Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ОТШЛЕПАЮ МАЛЮТКУ, КОГДА ОН ПОДРАСТЕТ». Автором этой скабрёзности, без сомнений, выступала Шафран.

Сава вдруг ощутил, как внутри, барабана по ребрам, что-то пронзительно завизжало, точно включился миноискатель, сигналивая о том, что его вынесли на середину минного поля. Однако уже через мгновение тревога резко схлынула: воображаемый прибор будто обесточили.

Собравшись с мыслями, Сава присел на краешек кровати:

– Но ведь у нас мальчик, Беа. Мальчик, понимаешь? Его будут дразнить. Ой как будут.

– Да кто же?

– Да кто угодно. Даже я. К примеру, «Эва-королева». Как тебе? Может, подберем что-нибудь мужественное? Геракл? Данте? Я согласен даже на Акакия. Акакий будет ходить в гости по выходным и раздавать всем бесплатные яблоки. Ну?

Беата тихо засмеялась и охнула, смяв одеяло на животе. Улыбнулась, показывая, что всё в порядке.

– Кажется, кое-кто позабыл кое о чём. Так звали моего дедулю, и ты был согласен назвать сына в его честь. По-моему, это честный обмен: я тебе – сына, а ты мне – имя. Но я готова пойти на маленькую уступку.

– Правда? На какую же?

– Назовем сына – Дедуля.

– Господи, да ни в жизни!

Сава поцеловал ее в шею. Без этой гладкой, нежной части ее тела он не представлял себе Беату. Губы коснулись прохладной кожи и привычно занемели, пропуская в себя крошечное покалывание. Это обстоятельство сейчас же изгладилось из памяти Савы, словно, целуя жену, он пил воду забвения.

Его переполнила необычайная легкость. К сердцу будто присоединили насос, качавший не воздух, а чистейшее счастье.

– Знаешь, милая?

– Да?

– Мне тут один ангелок шепнул, что это не такое уж и плохое имя.

– И я о том же, дорогой.

– И еще...

– Да?

– Мне кажется, мы разговариваем как старые пердуны.

Они рассмеялись, и Беата, морщась и хихикая, замахала рукой, показывая, что больше не выдержит. Он аккуратно прижался к ней и почувствовал, как она целует его в макушку.

Их возраст и решимость довести дело до конца, если так можно выразиться, вызывали у окружающих определенные эмоции. В основном – удивительно мягкое, в чём-то снисходительное осуждение. Почему? Потому что они рассчитывали стать – и теперь уже стали! – молодыми родителями, не имевшими за душой ни гроша. Вдобавок ему по-прежнему было девятнадцать, а ей – двадцать, как и тогда, на рок-фестивале.

«И это ничего не меняет, – неожиданно подумал Сава. – Я бы всё равно взял ее в жены, несмотря на все финансовые трудности».

Следом пришла еще одна мысль. Ему показалось, что обет бедности, который они приняли той ночью в гостинице, под шум дождя, на самом деле не имел власти над их жизнями.

Да, он заканчивал последний курс МПГУ, подрабатывая

после учебы в одной забегаловке, насквозь пропахшей собачьим дерьмом. Верно и то, что расстояние от Москвы до Петропавловска-Камчатского составляло немногим больше шести тысяч километров. А это, по идее, не способствовало укреплению молодой семьи.

И всё же по какой-то причине у них всё было прекрасно.

Беременную Беату взяли на местный молочный завод, хотя ее острый ум, по мнению Савы, позволял получить любое образование, а значит – и любую должность. Однако он не возражал, находя это необычайно милым. Ее поддерживали подруги. Они стажировались в одной из городских школ, намереваясь вскоре пополнить ее педагогический состав. И только Нора работала там на полную ставку, прививая детям навыки хорошего музыкального вкуса.

Саве и Беате словно благоволила некая сила. Они не болели, а денег всегда хватало. Вдобавок Саву дожидалось теплое местечко в далеко не худшей школе. И подруги Беаты тоже там обретались. И...

Мысли Савы, что до этого текли тихо и безмятежно, словно ручей, неожиданно вспенились.

«Какое совпадение: эти ненормальные тоже живут в Петропавловске-Камчатском! – язвительно подумал он. – Ладно мой отец – псих, из-за которого мы с матерью и перебрались в эту рыбную дыру. Но они! Они-то почему здесь? Совпадение на совпадении! Мы – на одном и том же фестивале! Мы – торчим в одном и том же городе! Мы – будем работать в

одной и той же школе! Мама была права... мама была...»

Конечности Сава затвердели, когда он попытался вспомнить, в чём именно Алисия Абиссова была права. Будто издалека, прилетело смутное воспоминание о знакомстве Алисии и Беаты. Едва завидев будущую невестку, Алисия Абиссова озлобилась. Кончина мужа вытравила из ее души всё радушие, превратив в язвительную защитницу последних семейных ценностей, готовую стоять за них насмерть.

И одной из таких ценностей был ее сын.

Странное дело: Алисия сказала тогда что-то такое, отчего Беата переменялась в лице, а Сава ощутил приступ дикой тревоги, как совсем недавно. Но что же это было?

– О чём ты думаешь, Сава? – отрывисто спросила Беата.

«Ей не нравится мое непокорство, – сообразил Сава. – Я как будто могу причинить ей... *неудобство*». Вслух этого он, разумеется, не сказал. Да и не смог бы, потому что крамольные мысли уже блекли, а тревога уходила. Весь мир заполнял душистый аромат любимой женщины.

– Просто вспомнил маму. Алисия Абиссова порадовалась бы внуку.

– Не всем показан спорт, дорогой. Теперь мы оба это знаем.

– Да, знаем, – глухо отозвался он.

Алисия Абиссова не дожила до своего четвертого юбилея всего несколько недель. История не совсем стара как мир, но такое всё же иногда случается. Во время утренней пробеж-

ки у нее остановилось сердце. Случай – один на миллион. Смерть прибрала ее к себе в подол не только накануне дня рождения, но и за несколько месяцев до родов Беаты.

«Не без вмешательства последней!» – неожиданно выстрелила мысль, и Сава испуганно вскочил. Мысленный миноискатель оглашал внутренний мир тревожным воем, обнаружив поблизости нечто чрезвычайно опасное.

– Я... – начал было Сава.

– Ты просто переутомился, любимый. Подари своей черноволосой крошке сладкий поцелуй. Ну же.

Прежде чем Сава успел что-либо сообразить, его тело, словно отзываясь на некую команду, само потянулось к Беате. На мгновение Саве показалось, что его губы обугливаются, а язык разбухает и лезет куда-то вверх, перекрывая доступ кислорода к мозгу.

– Ах, Савелий, ты даже сейчас умудрился довести меня до головокружения, – прошептала Беата, когда он отстранился.

– Понял, удаляюсь, – кивнул Сава. Он осторожно поднялся с кровати и направился к двери палаты. На пороге остановился. – А куда...

– Третий этаж, от лифта – налево.

– Ты – мое чудо, Беа.

– Я – твоя счастливая карта. Поспеши, Савелий, пока кто-нибудь другой не сказал нашему сыну, как его всё-таки зовут.

Это подействовало, и Сава пулей выскочил в коридор.

В коридоре он чуть сбавил шаг, но потом, не удержавшись, припустил к лифтам. Сын! Сын! У него есть сын! От переполнявшего счастья хотелось прыгать на людей, отрывать им уши, кричать в них про сына, а затем поцелуями приклеивать обратно.

Сава заскочил в кабину лифта и повернулся к зеркалу. Подмигнул отражению, твердо решив покорить этой ужимкой крошку Эву. Тощий парень в зеркале, так и не избавившийся от привычки носить черные футболки с рок-группами, выглядел напуганным и счастливым. Сава хохотнул и зажал руками рот, боясь сойти за сумасшедшего. Жизнь вдруг представилась белым шоссе, по которому можно только летать, срывая привязанные к столбам воздушные шарiki с какими угодно глупыми надписями.

Двери лифта распахнулись, и сердце Савы ухнуло в бездну.

Откуда-то доносились визги новорожденных – да такие яростные и пронзительные, что рассудок сейчас же принялся извиваться ужом. Сава вышел из лифта и проводил взглядом пробежавшую медсестру. Та с выпученными глазами и сдвинутыми бровями спешила в конец коридора. Недолго думая, Сава бросился следом.

«Господи, что-то случилось! – взвыл внутренний голос Савы. – Там точно что-то стряслось!»

В зале для новорожденных царил неразбериха. За стеклом, отделявшим посетителей от малюток, медперсонал пытался успокоить детей. Но двадцать один бокс из тридцати всё равно заходился в надрывном плаче. Не доносились вопли только из двадцать второго.

Растерянно оглядываясь, Сава прижался к стеклу. Младенцы рыдали и таращились в сторону двадцать второго бокса. Глазки их то и дело отказывались работать в паре, а тяжелые головки не давали себя поднять, но малыши всё равно не сдавались. В своей синхронной трагедии они не замечали ни стенок бокса из прозрачного пластика, ни пеленок, ни собственного воя.

«Они не видят, а чувствуют, – с замиранием сердца понял Сава. – Чувствуют – что? Угрозу?»

Центром всеобщего детского внимания был самый тихий ребенок.

Мальчик.

– Эва, – прошептал Сава, безошибочно определив в молчуне сына.

Крошка Эва не сводил темных глаз, явно унаследованных от Беаты, с потолка. Сава поднял взгляд и охнул.

Светильники, закрытые матовыми рассеивателями, исчезли – сгнули, как и сам потолок. Этой привычной части зала для новорожденных словно никогда и не существовало. На смену пропаже пришло далекое звездное небо. Настолько чужеродное и бездушное, что кровь стыла в жилах. К небу

тянулись изогнутые шпили непонятных строений. Складывалось впечатление, что помещение с детьми переместилось на дно глубочайшего колодца, что находился в центре пустого темного города.

Картинка держалась не дольше двух секунд, и по их истечении вернувшееся потолочное освещение резануло Саве по глазам. Он еще раз охнул, пытаясь понять, видел ли это кто-то еще, кроме него самого... и сына. Но разум уже старательно вымарывал этот тревожный образ, взывая к оси здравого смысла, волшебному слову: «ПОКАЗАЛОСЬ».

Другие дети понемногу успокаивались. Сава неуверенно улыбнулся и взглянул на крошку Эву. Он смотрел на своего ребенка и видел, что с ним всё в порядке. А это главное, не так ли? Ощутил, как сильно и безгранично любит его. Так сильно, что перекаченное сердце могло лопнуть.

Внезапно Сава почувствовал на губах вкус давленных мандаринов, залитых бензином. Иногда он отмечал, что такова на вкус кожа Беаты, но почти сразу забывал об этом. Сейчас эти мысли даже не успели толком оформиться, потому что нагрянуло нечто поистине ужасное.

Сава понял, что ненавидит сына.

И на миг, всего на мгновение, он услышал смех Беаты.

Часть 1. Пятница

Глава 1. Что-то страшное грядет

1

В салоне автобуса № 8, следовавшего маршрутом «Артиллерийская – Карьерная», стояла духота. Эва мог поклясться, что уже к двум часам пополудни весь Петропавловск-Камчатский будет поджариваться, шипя капельками минеральной воды и пота. 24 °С – вполне обычная температура. Вполне. Если не брать в расчет, что на часах – половина восьмого утра, по календарю – конец мая, а на Дальнем Востоке среднесуточная температура в это время года, как правило, не превышает 10 °С.

Кто-то сказал бы, что температурные ужимки – это последнее, что должно волновать тринадцатилетнего подростка. На что Эва непременно ответил бы, что его интересует абсолютно всё: звёзды, люди, характеры, кошки – буквально всё, что занимало в этом мире место и за это самое место изо всех сил боролось. Будучи одним из таких элементов, Эва тоже боролся за свое место, хоть и не до конца понимал, где оно и как выглядит.

А еще этот досужий кто-то обязательно поинтересовался бы, не потерял ли Эва очки.

Тут уж ничего не попишешь. Синенькая рубашка, школьные брючки, желтые кроссовки и обожравшийся учебниками рюкзак выдавали в нём самого обыкновенного учащегося. Но глаза... его удивительные темные глаза постоянно щурились. Привычное дело для того, кому не повезло со зрением. И Эва честно признавал, что его зрение не ахти. Только вот не существовало очков, которые бы помогли ему.

Он сидел у окна и ловил лицом струйку воздуха. Соседнее место пустовало. За окном плыл Петропавловск-Камчатский, демонстрируя улицы и прохожих. Многие выглядели так, будто несли на себе всю тяжесть раздувавшегося солнца. Автобус повернул на Новотранспортную, и открылся парк, за которым под чистым небом блестела акватория Авачинской бухты, выводящая прямиком в Тихий океан. Эва вздрогнул и ощутил, как его нижняя челюсть откидывается.

На тротуаре происходило невообразимое – не то шутка, не то чей-то злой розыгрыш.

Группка детей колошматила металлическими прутами какой-то мешок. Все шестеро, четверо мальчиков и две девочки, были одеты в школьную форму. Несмотря на мешавшиеся рюкзаки за спинами, они усердно охаживали мешок прутами. При этом дети скалились и корчили злые рожицы. Пруты тяжело сверкали на солнце, а порождаемые ими гулкие удары разносились по всей улице.

К ужасу Эвы, мешок дергался и брыкался. Что бы ни находилось внутри, оно, содрогаясь, пыталось отползти в сто-

рону. И судя по всему, беглец намеревался покончить с собой, нырнув под колеса приближавшегося автобуса.

– Стойте, – произнес Эва и облизнул пересохшие губы. – Стойте! Да остановитесь же!

К нему обернулись несколько голов.

– Ты в порядке, приятель? – спросил мужчина с газетным свертком, из которого торчала крупная неопознанная деталь, похожая на пружину.

Автобус качнулся и замер. В проходе показался бледный водитель. С него градом катил пот, вызванный нешуточным испугом.

– Мы на кого-то наехали? Наехали, да?

Эва оглядел всех. На лицах – забота, волнение и раздражение из-за того, что чертов автобус остановился. На тротуаре между тем продолжалось действие. Дети, позабывшие про уроки, избивали барахтавшийся мешок. Являя темную сторону детства, они рычали и иногда обращали к солнцу покрасневшие лица, после чего потрясали прутами и вновь опускали их на пленника мешка. И никто не замечал этого. Не хотел. Или не мог.

– Я... подумал, что забыл...

– Забыл – что, приятель? – вежливо поинтересовался мужчина с деталью в газете. – Не голову же? Вижу, она на плечах. Так что же это?

– Ключи от дома, – наконец выдавил Эва. Он вжался в щель между сиденьем и окном, ожидая, что его будут ругать.

Мужчина с деталью в газете покачал головой и отвернулся. Его примеру последовали остальные.

Лицо водителя порозовело, а сам он сдавленно хохотнул.

– Господи, ну и напугал ты меня, парень. Небось, и спишь беспокойно, да? Это всё из-за женщин. Лучше выброси-ка их из головы и купи себе автобус. Купи-купи, пока не поздно. – Он еще раз приглушенно хохотнул и с видимым облегчением вернулся на место.

Автобус тронулся, и Эва, смущенный и растерянный, опять повернулся к окну.

Мешок по-прежнему дрожал под градом ударов. Из дверей магазинчика, торговавшего цветочным чаем, выскочил старик в поношенном комбинезоне. Он быстро сбежал по ступеням и накинулся на детей, что-то беззвучно выкрикивая. Эва обмер. Дети посмотрели на старика с хитровато-осведомленным видом. Казалось, еще немного, и они набросятся на него. Но этого не случилось, и дети просто разбежались, оставив мешок в покое – теперь уже кровотокащий, бессильно распластавшийся на тротуаре.

«Происходит ли это на самом деле?» – спросил себя Эва.

Скучающие лица пассажиров уверяли, что мир остался без изменений. Вокруг всё так же лениво ползла жизнь, уносясь в прошлое вместе с городским пейзажем, исчезавшим за окном. И ничего интересного во всём этом не было, кроме телевидения, выволочек и редких приятных спазмов в постели или придорожном туалете.

Эва потянулся к рюкзаку и вытащил толстую красную тетрадь в твердой обложке, похожую на гроссбух. На лицевой стороне тетради грубыми каракулями было выведено одно-единственное слово: «ЭТХАЛСИОН». Он еще раз взглянул в окно. Чтобы увидеть старика и мешок, пришлось прижаться носом к стеклу.

На глазах Эвы старик взял вздрогнувший мешок за горловину и забросил за спину, нисколько не боясь запачкать комбинезон кровью. Улыбнулся. Из рта потекло что-то черное, пачкая подбородок и капая на грудь.

Всё скрылось за поворотом, и Эва, вооружившись ручкой-роллером, распахнул тетрадь. Подумал, что сейчас можно ничего не писать. Да и для чего? Видение явно не планировало преследовать автобус, а значит, не было необходимости марать страницы. Немного поразмыслив, Эва пришел к выводу, что будет лучше, если он всё-таки продолжит держаться выработанной привычки.

Он склонился над чистой страницей и аккуратным почерком быстро вывел:

«20 мая, пятница, утро.

Дети били прутами мешок прямо на улице. На вид каждому не больше 10 лет. Все очень злые, даже две девочки. Этого никто не видел, кроме меня и еще, наверное, старика. Что было в мешке? У меня есть три предположения.

Первое: там корчилась собака, чьи лапы перетянули проволокой.

Второе: там находился другой ребенок. Возможно, провинившийся перед остальными.

И третья: в мешке клубилась темнота. Ее никто не любит, особенно когда она прячется под кроватью, а посему выходит так, что в мешке ей самое место.

Правды я не знаю. В любом случае это были плохие дети. Мне бы не хотелось встретиться с ними в школе, но я почти уверен, что не увижу их там.

Детей напугал старик. Он тоже был странным. Мне показалось, что это – парень, состарившийся раньше времени. У него изо рта текло. Это было похоже на табачную жвачку. Таковую обычно жуют старшеклассники на заднем дворе. Жуют и пускают ужасную, темную отрыжку. Вот бы их тоже засунуть в мешок, а директору дать палку.

Возможно, те дети – жертвы Рук и Клубков».

Эва поднял голову и подумал, что понятия не имеет, о каких Руках и Клубках только что написал. Он не сомневался, что понимание придет позже. Так уже бывало: мысль есть, но что она означает – до поры неизвестно. Вероятно, через это проходят все, кому хоть раз приходилось изливать душу на бумаге.

Он опять склонился над текстом и дописал: «*Что-то страшное грядет*». После этого убрал тетрадь в рюкзак и спрятал ручку. Вспомнил, что в магазинчике неподалеку от дома видел книгу с таким названием¹. Только вряд ли она

¹ «Что-то страшное грядет» – одно из названий романа Рэя Брэдбери «Надви-

там продавалась, потому что магазинчик торговал всякими клеями, ножницами и бумагой всех сортов. Скорее всего, ее читал кто-то из кассиров.

Перед тем как выйти из автобуса, Эва решил во что бы то ни стало прочитать ту книгу. Его на миг оглушил гвалт голосов, доносившихся со стороны четырехэтажного учебного комплекса.

Начинался очередной школьный день.

2

Постукивая пальцами по рулю, Сава с улыбкой управлял черным «туарегом». Машина прекрасно отвечала на звучащую мелодию: ускорялась, когда того требовал ритм, и замедлялась, когда музыкальное напряжение спадало. «Главное, – то и дело напоминал себе Сава, – не шибко заигрывать с педалью, иначе вылета с дороги не избежать».

Датчик внешней температуры показывал 24 °С. А это жарковато для дальневосточного утра, надо признать. Музыка кончилась, и из динамиков донесся звонкий голосок, переполненный энергией. Если бы Сава не знал, что слышит пятидесятилетнюю даму, то подумал бы, что у микрофона находится девушка.

«А может, в душе она такой и осталась, – решил он. – Сидит себе в студии, вся такая вырезанная из просроченного картона, с сигаретой во рту, и голосом телефонистки с горя-

чей линии экстренной психологической помощи поднимает всем настроение. Надо бы поискать ее фотографию».

– Наш горн играет подъём! И с вами я, Валерия Троицкая, ведущая «Камчатского горна»! – Прозвучала короткая вставка, и девушка-в-пятидесятилетнем-теле продолжила: – А на носу у всего города не предвкушение отпусков и летних каникул, а самые настоящие шелушки! Ну, такие, знаете, когда солнышко хватает вас за носик и крепко-крепко держит, целуя и расцеловывая. На Дальний Восток пришла небывалая жара, друзья!

– Аминь, – кивнул Сава.

– Поэтому давайте-ка закрепим правила пребывания на свежем воздухе! Первое правило: хлопок. Да, друзья, на вас обязательно должна быть воздухопроницаемая одежда из хлопка. Конечно же, светлая, как ваши мысли. Второе правило: головной убор. Только не надевайте дедовскую панаму, в которой он рыбачит. Городу нужно больше цвета, а не рыбы, согласны? И третье правило: употребляйте больше жидкости. Но употребляйте с оговорочкой: газированную и особенно сладкую воду – исключить.

– А какая-нибудь газированная дрянь была бы кстати, да, Эв?

Саве никто не ответил, и он окинул растерянным взглядом пустой салон машины. Собственная злость стирается из памяти быстро, не то что полученная обида. Он и позабыл, что этим утром отправил сына в школу на общественном

транспорте.

В голове развернулась недавняя сценка, и щёки Сава обжег стыд.

Забрасывая в портфель листки с внутришкольным контролем за последние две недели, он услышал, как Эва делится с Беатой соображениями по поводу *скотовозок*. Они сидели на кухне, и Сава, находившийся в этот момент в прихожей, стал невольным свидетелем их разговора.

«Мам, спорим, ты не знаешь, как правильно называются автобусы, микроавтобусы, троллейбусы и трамваи?»

«Неужели каким-то одним словом?»

«Именно. Скотовозки. А всё из-за того, как они едут. Трах-хрясь-бах! А еще из-за того, как кряхтит и мычит их груз. Му! Му! Му! И там постоянно воняет пердежом и пóтом».

Услышав это, Сава опешил. Какая-то его часть – вероятно, самая сумасшедшая – утверждала, что голоса жены и сына донеслись из шкафчика с обувью. И звучали они при этом не как обычно, а противно, измывательски, как у любовников, что решили вдруг поразговаривать друг с дружкой тонкими голосами.

Что бы откуда ни прозвучало, Сава уже не контролировал себя. Скотовозки! Можно ли представить более оскорбительное слово, задевающее сразу и общественный транспорт, и его пассажиров?!

Проволочив за собой по ламинату туфлю, соскочившую с

ноги, он влетел на кухню.

– Что ты сказал? Что ты только что сказал?!

По лицу Эвы было видно, что он не на шутку перепугался. Даже вздрогнул, боясь прикоснуться к недоеденному омлету. Сидевшая напротив Беата в изумлении приоткрыла рот, пытаясь понять, в чём дело. Чашка кофе в ее руке со стуком опустилась на стол.

– Что случилось, дорогой?

– Что случилось?! Этот юноша только что обозвал весь общественный транспорт – скотовозками, а все семьи без машин – скотами! Скотами! Разве ты не слышала?!

– Но я не говорил такого! – Эва беспомощно посмотрел на Беату. – Мам, я же не говорил такого, да?

– Нет, не говорил.

– Лжец! Лжец! – рявкнул Сава. – Солгал раз – солжет и второй! И третий! Всегда! – Он и сам не понимал, откуда брались облитые желчью слова. – Почему ты его всегда покрываешь, Беата? Всё не дождешься, когда он вырастет, угадал, да? Да?!

Беата вдруг рассмеялась. Зашлась этим своим глубоким смехом, от которого всегда кружилась голова.

– Сава, господи, какой же ты забавный.

– Забавный? – Удивлению Савы не было предела.

– Даже если Эва и сказал бы что-то такое, разве не лучше спокойно обсудить это?

Да, это было лучше. Только вот Сава ничего не мог поде-

лать с тем дискомфортом и той ревностью, в которых не признавался даже себе. Он не понимал, где лежит исток скверных мыслей, столь похожих на мокрый песок, что периодически облепляет и пачкает любовь к сыну.

– Я привью тебе уважение к обществу, мой юный гражданин, – сухо сказал Сава. – С этого дня ты по полной вкусишь все запахи и всё удобство общественного транспорта. Хочешь быть писакой-макакой – милости просим на самый низ.

На лице перепуганного Эвы вспыхнула какая-то эмоция, и Сава с оторопью узнал в ней радость. Сын, его собственный сын, был только рад тому, что проведет меньше времени со своим стариком!

– Вот и покатайся на так называемых скотовозках, Эв, – яростно прошипел Сава, напугав сына еще больше. – Только не забудь помыться после них. А то, знаешь ли, один уважаемый мальчик утверждает, что там *воняет!* – Он подобрал туфлю и покинул кухню.

На том всё и закончилось.

Сава обнаружил, что сидит за рулем с остекленевшим взглядом, а сама машина прижата к обочине где-то в полукилометре от школы. Валерия Троицкая всё так же рассуждала о неслыханной жаре.

Помотав головой, он выехал на залитую солнцем дорогу. Попытался припомнить разговор в деталях и с неприятным холодком в груди осознал, что Эва действительно не говорил

этого. Вернее, говорил – но не он, а какой-то *другой* Эва. Тот, что прятался в шкафчике с обувью.

– ...вазопрессин, – произнесла Троицкая. – Этот гормон, друзья, задерживает воду в организме и сужает сосуды. Алкоголь снижает его выработку, поэтому, приняв на грудь, будьте готовы распрощаться с лишней водой и своей женой.

Сава встрепнулся, пытаюсь понять, не ослышался ли он. При чём тут вообще чья-то жена? Совершенно некстати о себе дала знать старая травма. Колено правой ноги немилосердно заныло, будто нечто отыскало и крутануло там винтик боли.

– И главное, друзья, не забывайте: вода, несмотря на щедрость солнца, всё ещё холодная. Поэтому в океан лучше не соваться, даже если вам очень хочется сделать сами-знаете-что. Ну а для того, чтобы утопить сына, можно и вовсе не заходить в воду. Достаточно воспользоваться пирсом. Словом, экономьте силы и почаще заглядывайте в тень.

Откинувшись назад, Сава с вытаращенными глазами ударил ногой по педали тормоза. «Туарег» со скрипом остановился. Рядом пролетело несколько машин – почти все недовольно сигналили. Внутренности Савы смерзались от ужаса. В колене, казалось, пульсировал осколок разбитой вазы.

– Вода, вода, – забормотал он, ища вокруг себя хоть что-нибудь, что могло подарить глоток.

– Опасно гулять по жаре и в случае бессонницы, – весело щebetала Валерия Троицкая. – Как говорят мудрецы в белых

халатах: нарушил сон – нарушил и терморегуляцию. Меньше выделения пота – меньше охлаждения тела, друзья. Чтобы этого избежать, продолжительность сна должна составлять от семи до восьми часов. И не бойтесь взять подушку и заткнуть маленького засранца, если он мешает спать.

– Хватит! Хватит! – заорал Сава. – Прекрати!

– А если он уже вырос, просто возьмите подушку побольше.

– Заткнись!

Тяжело дыша, Сава поднес кулак к экрану мультимедийного устройства, намереваясь хорошенько садануть по нему. Рука застыла в воздухе: в салоне зазвучал еще один голос. Близкий. Родной.

Голос Беаты.

Но и он почему-то доносился из динамиков.

– Он сделает это, как только вырастет. Сделает, если ты не будешь осторожен, Сава. Если ты потеряешь бдительность, Эва украдет меня и будет качать на своих коленях. Останови его. Пусть он страдает, пусть испытает всю ту боль, что причиняет нашей любви.

Сава схватил смартфон и лихорадочными движениями отыскал телефонный номер Беаты. К его облегчению, она ответила сразу.

– Что случилось, милый?

– Просто поговори со мной, любимая.

– Ты хрипишь. У тебя всё хорошо?

Сава открыл было рот, чтобы рассказать о выкрутасах радио, но тревога уже таяла, растворялась в нежности, что струилась по голосу Беаты. Как будто грязный снежок бросили в теплую воду. Сава обо всем позабыл. Порой его охватывал необъяснимый страх, и только Беата, ее голос, ее тело, отшвыривали эти панические атаки далеко за горизонт. Вдобавок он почуял знакомый запах. Не совсем приятный, но и не отталкивающий. Успокаивающий.

– Кажется... кажется, я в порядке. – Сава огляделся и рассмеялся. Он торчал посреди проезжей части, недалеко от школы. Мимо проносились машины, раскачивая «туарег». – Прости, я что-то разнервничался. Бывает, да?

– Это называется совесть, Савелий. Вы ведь слышали о таком явлении, господин завуч?

– Думаешь, я был чересчур строг с Эвой?

– Нет, конечно. Это он был чересчур мягок с тобой.

Сава попыттел губами и наконец сказал:

– Я тебя понял. Попытаюсь всё исправить. Люблю тебя.

– А я – тебя. Ты ведь не опаздываешь? В противном случае тебе придется иметь беседу с самим собой, господин завуч.

– Это было бы очень странно, но я бы справился, будь уверена.

Они попрощались, и Сава наконец-то вывел машину на свою полосу. На душе полегчало, но едва он проехал полсотни метров, как радио опять заговорило голосом Беаты.

– Ты ведь знаешь, что прав: этого засранца надо хорошенько выпороть. Твой отец не успел донести эту мысль, но ты вполне способен донести ее до сына. Только из хорошо выпоротых мальчиков вырастают хорошие люди, сам знаешь.

– Это точно, – согласился Сава и улыбнулся.

Этот обмен фразами мгновенно стерся из его памяти. Пошел новостной блок, и первой новостью было сообщение о незначительной сейсмической активности где-то на побережье. Но Сава уже не слушал.

Он подъезжал к школе.

3

Стелившаяся под ногами тень как бы намекала, что принадлежит человеку спортивному и вместе с тем обстоятельному.

Именно таким Симон Искра себя и ощущал – подтянутым и серьезным. Таким должен быть всякий учитель российской школы, не правда ли? Оставьте стереотипы про странных людей, работающих на благо образования, при себе. Нет, дорогие мои, Симон Искра не таков. Он не швыряется ключами в учеников и не выковыривает из зубов стружку от пиломатериалов. Нет-нет, родненькие, Симон Искра – это лучшее, что было, есть и будет в общеобразовательной школе № 66 Петропавловска-Камчатского.

С такими мыслями, больше походившими на заевшую

пластинку, Симон покинул парковку и завернул в школьный двор. Поток учеников разноцветной лавиной поднимался по ступеням, собирался у остекленных дверей и процеживался через турникет, после чего разбежался по коридорам. Многие несли в руках легкие курточки, взятые в надежде на привычную прохладу.

– Искрит сегодня, не правда ли, Симон Анатольевич?

Симон обернулся. В тени слева от лестницы стояла группка девятиклассниц. Темно-синие плиссированные юбки, гольфики, голубенькие блузы. Замечательная школьная форма для девочек, если так подумать. Да, если так подумать и не брать в расчет аксессуар, не имеющий никакого отношения к стандартам школьной формы: сигаретную пачку.

– Только не вздумай открывать ее на территории школы, Золотарёва.

Нита Золотарёва с удовольствием потрянула пшеничной гривой. Блеснули брекеты.

– Ну да, жара такая, что и искры хватит, чтобы прикурить, правда?

– Правда, – бесхитростно согласился Симон. Что-то подсказывало ему, что речь шла о его фамилии, но он предпочитал не замечать этого. – И лучше выброси сигареты, Нина.

Золотарёва дернулась. Она ненавидела собственное имя, которое, по ее мнению, больше подходило сонной собаке. Поэтому только Нита, Нита и еще раз Нита. Об этом знали все. Сложно не знать о закидонах девочки, чья жизнь пры-

гала на золотистых ухабах, рассыпанных отцом.

– Если мы выбросим сигареты, то не сможем найти их владельца. А мы хотим вернуть пропажу. Разве не этому «учат в школе, учат в школе», Симон Анатольевич?

Грянул смех, и Симон замялся, не зная, что ответить. В голове всплыла одна из тех пьяных сентенций, которыми обычно бросался его отец после карт: «Если, играя в покер, ты не знаешь, кто за столом лузер... значит, лузер – это ты».

– Я не лузер, папа, – с робкой улыбкой пробормотал Симон, вызвав новый взрыв хохота.

Отвернувшись, он с вытаращенными глазами зашагал по ступеням. Иногда, чтобы быть счастливым, нужно уметь двигаться дальше. Простая истина, доступная лишь детям, умалишенным, животным и... настоящим учителям.

– Тебе стоит быть строже, Симон.

Симон поднял глаза и увидел перед собой Ангелину Сысоеву, завуча по научно-методической работе, и Екатерину Шафран, учительницу истории. Они замерли справа от распахнутых школьных дверей, и их, казалось, нисколько не беспокоила такая возмутительная вещь, как сигареты в руках учениц.

– Это же просто дети, они так шутят, – прошептал Симон и попытался пройти мимо.

– Ангел, мне кажется, Симон боится не только учеников, но и собственных коллег, – заметила Шафран.

– Ну-ну, он просто хорошо воспитан. Ведь так, Симон?

– Я... не знаю.

Собравшись с духом, Симон посмотрел им в глаза. Дети подходили, здоровались и шли себе дальше, торопясь навстречу оценкам и новому дню. А он всё не находил сил сдвинуться с места. Эти женщины были эффектны во всех смыслах – как ножи, инкрустированные жемчугом Южных морей. Посмотри на таких – и получишь порез внутренних органов, и вряд ли это будет сердце.

Одна – с ясными глазами, смуглой цыганской кожей, вся в элегантных черно-фиолетовых тонах и белом золоте. Такому выразительному экспонату недоставало только бирочки: «Ангелина Сысоева, требовательная и обманчиво мягкая». Вторая – рыжая, зеленоглазая, в оранжевом деловом костюмчике с закатанными рукавами, в ложбинке груди – очаровательные веснушки. Бирочка просилась и сюда: «Екатерина Шафран, лисица, обитающая во всех норках сразу».

И обе смотрели с неприкрытой насмешкой.

– А ты сегодня по погоде, Симон, – промурлыкала Шафран.

С этим он, пожалуй, мог согласиться. Безрукавка из кашемира, украшенная розовыми и желтыми ромбиками, удачно скрывала пятна пота на рубашке. Недоставало только какого-нибудь платочка, чтобы прикрыть намечавшуюся лысину.

– Чем могу быть полезен, Ангелина Павловна? – промямлил Симон, твердо решив смотреть между женщинами.

– Есть небольшое поручение, Симон. Думаю, учителю об-

ществознания оно вполне по плечу.

– Что-то срочное? – Он покосился на свои дешевенькие часы: до начала уроков оставалось меньше десяти минут. «Господи, ну почему не меньше пяти?» – мелькнула испуганная мыслишка.

– Не настолько срочное, чтобы так потеть, Симон. – Ангелина Сысоева холодно улыбнулась, точно хотела подчеркнуть безжалостность произнесенных слов. – Зайди ко мне после третьего урока. О, и не беспокойся, там всё просто: можно и на пальцах объяснить. Но не при всех, разумеется.

– Да, конечно. Я могу идти? Понимаете, мне бы не хотелось опаздывать. Учитель должен быть примером во всём, правильно?

– Безусловно. И мы все берем пример с тебя, Симон.

– Секундочку, Симон, детишки подождут, – проворковала Шафран и потянулась к нему. – У тебя что-то вот здесь, на губе. Будь паинькой, потерпи.

Пальцы Шафран смахнули какую-то крошку в уголке его рта, и в ноздри Симонушибанул резкий запах. Словно к носу поднесли ватку, пропитанную цитрусами, выращенными в бензиновой атмосфере. Симон выпучил глаза и закашлялся. Губы в том месте, где их коснулись, неожиданно онемели.

– Тиши-тише, Симон, только не хлопнись в обморок. Не хлопнешься? Обещаешь? Думаю, на свежем воздухе тебе полегчает. Ты ведь знаешь, где найти свежий воздух, Симон? Ты ведь понимаешь, что такое *свежий воздух*?

Симон с недоверием уставился на Шафран и открыл было рот, чтобы заявить, что они *уже* находятся на свежем воздухе. И сразу же захлопнул его. Потому что откуда-то потянуло душком подтухшей раны, которая никак не может затянуться и теперь гниет, сворачиваясь и влажно блестя. В горле Симона тотчас образовался мерзкий ком.

– Я, пожалуй, пойду, – выдавил он и на заплетающихся ногах направился в школьный холл.

– Конечно, Симон, именно этого мы от тебя и ждем, – бросила Сысоева, теряя к нему всякий интерес. – И смотри под ноги.

Когда завуч и учительница остались позади, Симон сконцентрировался на передвижении. Совет смотреть под ноги оказался невероятно полезным: холл раскачивался, словно планировал выбросить из раздевалок сменную обувь и ее галдящих владельцев. Непривычные двадцать четыре градуса тепла казались раскаленными валиками, заполнившими всё свободное пространство.

«Если Петропавловск-Камчатский и думал о чём-то в последнюю очередь, так это о кондиционерах, – пронеслось у Симона в голове. – Да и к чему они городу, привыкшему пребывать на нижней полке природного климатического холодильника?»

Неожиданно дурнота отступила, и Симон сообразил, что смотрит на фиолетовый рюкзак с тремя болтавшимися светоотражающими брелоками. Рюкзак принадлежал Эве Абис-

сову, чудаковатому мальчику с черными глазами и необычным именем. Симон мог бы назвать еще с десяток странно-стей, касавшихся этого ребенка, но куда больше его взволновал тот факт, что наблюдение за Эвой каким-то образом остужало воздух вокруг самого Симона.

Он отвернулся, и тошнота нахлынула с новой силой. Школьный галдеж показался бритвенными опилками, засыпанными прямо в уши. Симон замычал и побрел на второй этаж – проводить урок у пятого «А». Недомогание следовало за ним буквально по пятам.

Напоследок он еще раз посмотрел в сторону удалявшегося Эвы, и тошнота испарилась, словно и не она только что перекрашивала мир в пульсирующие желтые цвета.

Немало озадаченный, Симон продолжил подъём.

4

Ангел и Шафран дождались, когда Симон Искра уйдет, и прыснули со смеху. Видевшие это ученики приободрились, памятуя о непреложной истине любого урока: настроение учителя – это настроение твоих оценок. Проходившие мимо ребята постарше пытались очаровательно улыбаться, рассчитывая получить расположение если не Ангела, то хотя бы Шафран, которая была моложе ее на четыре года.

Шафран прогоняла таких одними пальчиками, будто надоедавших евнухов.

– У нас есть что-нибудь из предметов отца? – спросила

она у Ангела.

Савелий Абиссов частенько терял вещи. Его любимые авторучки исчезали так же стремительно, как и появлялись, пиджаки вдруг лишались пуговиц, а расческам периодически приделывали ноги. Как-то пропала даже пепельница из кабинета, но все решили, что это перебор. В конце концов, это не секс, чтобы задумываться о размерах. Главное, чтобы предмет не утратил прочной связи с владельцем, а на такое обычно уходило пару-тройку дней.

– Скажем так, Беата кое-что передала нам. Это лежит в моем кабинете.

– Мы могли бы и сами брать всё, что посчитаем необходимым. И мы тоже умеем быть аккуратными.

– Это *ее* мужчина, – указала Ангел на очевидную вещь. – Не твой, не мой, ни чей-либо еще. Ее. Хочешь опять открыть ротик и дожидаться, пока Чёрная Мать накидает в него грязи?

– Чёрная Мать... – Шафран вздрогнула. – Как думаешь, какой он?

– Именно такой, каким мы его видим. Темный. Пустой. С острыми шпильями. Загадочный. Ждущий.

О Городе они, Сёстры Пустоты, могли говорить без каких-либо уточнений. Город был первопричиной и первоисточком абсолютно всего. Утерянной мечтой любой из них. Родиной, которую не сыскать ни на одной карте.

Шафран глубоко вдохнула, загоня неуместное торжество обратно в дебри души. Возникший образ Города неохотно

таял.

– Значит, всё случится на этих выходных?

– На этих выходных всё продолжится, а случится гораздо позже, – поправила ее Ангел.

– Господи, как же я хочу поцелуев!

Они переглянулись и снова рассмеялись. Впрочем, их смех не выходил за рамки приличий, а негромкий разговор не был слышен никому, кроме них. А если бы кто-то и проявил ненужный интерес, то вскоре бы обнаружил, что любопытство успешно вытесняется чудовищной мигренью, сминавшей последние заметки памяти.

– Поцелуи сделают тебя счастливой? – спросила Ангел.

– Поцелуи сделают меня вечной.

Они улыбнулись и продолжили встречать учащихся.

Нешадное солнце поднималось всё выше.

Глава 2. Дявоськи вкусное

1

Кожу на плечах жгло от солнца, но Илья Млечный чувствовал себя великолепно. Ноги, вминавшиеся в покрытие беговой дорожки, словно уходили в пружинистую пастилу. Воздух со свистом втягивался через ноздри и, разогретый, вырывался изо рта. Подходил к концу шестой километр, и Илья не припоминал, чтобы раньше пробежка сгоняла с него столько потов.

На стадионе, примыкавшем к седьмой гимназии, занималось не больше десяти человек. Именно «занималось», а не укрепляло здоровье посредством бега, потому что *заниматься* можно только ерундой.

Путалась под ногами пожилая дама в розово-синем спортивном костюме и с повязкой на голове. Пока все, опираясь на международные стандарты легкой атлетики, здравый смысл или правила дорожного движения, бегали против часовой стрелки, она с вызывающим взглядом двигалась навстречу. «Посторонись, придурок, или узнаешь хватку вставной челюсти!» – говорил этот взгляд.

Носилась женщина на велосипеде. Только в зашоренный разум могла прийти мысль, что велосипед на беговой дорожке – отличная идея. Женщина усердно крутила педали и двигалась как положено, против часовой стрелки, но ее тяжелые

духи, следовавшие за ней вонючим шлейфом, буквально душили желание дышать полной грудью. Не спасал даже налетавший ветерок.

Были и другие «люди-сезоны». Так Илья называл тех, кто вспоминал о собственном здоровье лишь с потеплением. Но уже на пятом круге он прекратил обращать на них внимание и даже приловчился задерживать дыхание, когда проносила Вонючка На Велосипеде. В свои тридцать один он был так же быстр, как и в пятнадцать. Того же требовала и работа участкового уполномоченного полиции. Или ты быстр, или ты труп.

Илья вымученно усмехнулся и подумал, что фраза «Или ты быстр, или ты труп» вполне годится для девиза какого-нибудь больничного марафона, устроенного не в меру ретивым врачом ради привлечения общественного внимания к проблемам хосписа. Входя в очередной поворот, он бросил случайный взгляд в сторону.

Через дорогу, отделенную от стадиона сетчатым забором и полосой газона, располагался сквер. У его края стояла девочка. Лет пяти-шести, не больше. Она держала в кулачке красную веревку, тянувшуюся к дороге, пила из крохотного пакетика с трубочкой и с задумчивым видом следила за коричневой картонкой, лежавшей посреди проезжей части.

Илья принялся гадать, что же такое могло привлечь внимание крохи. Не сплюснутая же коробка? Глупость какая. Или она самая?

На следующем круге он подметил новую деталь: некоторые машины, довольно редкие для этого участка улицы, сбрасывали скорость и огибали картонку. Илья пригляделся, но коричневая коробка, разложенная и плоская, как монета, оставалась собой – обыкновенным картоном.

По улице прогремел грузовичок-рефрижератор, и картонка, попав под колеса, вдруг вскинула лапы. Или что-то очень похожее на них.

Ничего не понимая, Илья продолжил бежать. Перед глазами стояла задумчивая девочка с красной веревкой в кулачке, связывающей кроху с объектом интереса – картонкой с лапками.

– Господи! – выдохнул Илья и, резко развернувшись, рванул к забору.

По пути он сшиб какого-то пыхтевшего атлета и вынудил Вонючку На Велосипеде съехать в траву. Дама в розово-синем спортивном костюме довольно ослабилась.

– Полоумный дурак! – завизжала Вонючка Без Велосипеда.

Но Илья не заметил всего этого. Он мчался сквозь недоумевающих бегунов, не сводя прыгающего взгляда с девочки.

– Выпусти поводок! – наконец заорал он, когда был уверен, что девочка его услышит. – Поводок! Выпусти его! Брось! Немедленно!

Кроха подняла глаза и с прежней задумчивостью потянула

через соломинку что-то белое.

Недолго думая, Илья прыгнул на забор, уперся ногами в сетку и, вызвав дребезжание секции, перемахнул на другую сторону. Пересек полосу газона и выскочил на проезжую часть.

На «картонку» летел синий внедорожник.

«Ну всё, сейчас везение закончится, и этот идиот наедет на лепешку, чем бы она ни была, и наматает ее на колесо, – вспыхнула испуганная мысль. – А вместе с ней наматает и поводок с девчушкой».

Широко размахивая руками, Илья заорал:

– Стой-стой-стой! НЕЛЬЗЯ!

По лицу водителя прошла волна ужаса. Руки побелели от напряжения. На долю секунды Илье показалось, что водитель хочет выломать руль из гнезда.

Илья и машина разминулись в каком-то метре друг от друга.

Внедорожник, разразившись обиженным ревом, помчался дальше, а Илья, хрипя и задыхаясь, подхватил девочку. «Картонка» на поводке послушно прыгнула следом за ними.

Ноги, и без того натруженные пробежкой, заплелись, и Илья растянулся на траве, едва успев выпустить малышку из рук. В груди словно работал злой паровой молот, намекая, что разнесет всё на кусочки, если Илья сейчас же не продолжит двигаться. Илья застонал, понял, что лучше не стонать, а глубоко дышать, и с дрожью во всём теле встал на колени.

– Что... Господи... Ты хоть понимаешь, что... что поводок могло намотать на колесо, глупышка?

«Глупышка» явно не понимала. Она смотрела тем же задумчивым взглядом.

– Он воскреснет? – внезапно спросила девочка.

Илья перевел недоумевающий взгляд на «картонку» и понял, что в прошлой жизни та была оранжевым померанским шпицем. Таких еще называют «гномьими» из-за их крошечного размера. Только теперь пушистая собачка напоминала медвежонка, который объелся красного варенья и которого почему-то не раздуло от лакомства, а ровно наоборот. В сущности, в этой плоской штуковине не осталось ничего, что можно было бы воскресить или передать на заготовку таксидермисту.

– Нет, глупышка, твоя собака не воскреснет.

– Но Нарис должен, дядя, – заупрямилась девочка. – Должен, и всё тут! У него даже секретное имя есть.

– И какое же? – спросил Илья, хотя был уверен, что кличка бедного животного только что прозвучала.

– Феникс. И теперь он воскреснет, правда?

Всё это казалось таким нелепым и смешным, что Илья чуть не расхохотался. Правда, смех всё равно получился бы вымученным, как у человека, что раз за разом рисует муравейник, но выходит почему-то кучка свежего, крошащегося дерьма.

– Тебе лучше пойти к маме и рассказать об этом, малыш-

ка.

– К маме?

– Да. У тебя ведь есть мама? Ты слишком маленькая, чтобы гулять одна, и мама должна это понимать.

Девочка задумчиво посмотрела на бело-синее небо, потом сделала еще один глоток из пакетика. Это было самое обыкновенное клубничное молоко – сладкое и в меру розовое, изготовленное на местном предприятии «Молокозавод Петрокам».

– Мама говорит, это молоко вкусное. А я считаю, что оно – дьявольски вкусное. Куда вкуснее, чем раньше.

Слово «дьявольски» она произнесла как «дьявоськи», но Илья прекрасно ее понял. Он наконец-то поднялся с колен и распрямился. Сердце в груди понемногу успокаивалось, обещая не долбить по ребрам, если Илья в свою очередь пообещает не выпрыгивать на дорогу.

– Давай-ка я провожу тебя к маме, пока с тобой еще чего-нибудь не приключилось. Как тебе идея? Как по мне, отличная, да?

Девочка хмуро посмотрела на него – и вдруг с визгом сорвалась с места. Кричала так, будто Илья намеревался причинить ей невыносимую боль. Поводок натянулся, и «картонка», подпрыгивая и кувыркаясь, полетела за хозяйкой. Илья в немом изумлении смотрел, как они удаляются, не находя в себе сил броситься следом.

На середине лужайки девочка остановилась и прокричала:

– Надо было Нариса сжечь! Сжечь, и всё тут! Тогда бы он точно воскрес! Как феникс!

Какое-то время Илья беспомощно наблюдал, как она вприпрыжку несется по теням сквера, пока не скрылась из виду. Он ничего не понимал. Он даже не был уверен, что девочка действительно выкрикнула это. Возможно, виной всему была непривычная жара, выжимавшая из разума все соки.

Развернувшись, Илья трусцой направился домой.

«Дявоськи» вкусное молоко не шло из головы.

2

Происшествие с маленькой девочкой, решившей, что ее мертвый песик должен во что бы то ни стало воскреснуть, начисто лишило Илью умиротворения, каким обычно заканчивалась утренняя пробежка. Он вошел в квартиру и ощутил, что наполняет прихожую запахами пота и жары.

С кухни донесся голос Яны:

– Как побегал, Млечный? Догнал кого-нибудь?

Возясь с кроссовками, которые всегда туго зашнуровывал, Илья громко сказал:

– Сегодня они позабыли выставить механического кролика, так что пришлось побегать за организаторами. Я в душ, а потом кое-что расскажу тебе.

– Только не «кое-что», связанное с работой!

– Это не... – Илья осекся. Как ни крути, а история про малышку и «картонку» идеально вписывалась в несуществую-

ющую картотеку «Курьезы, происшествия и прочие занимательные случаи в работе полиции». – Всё, я иссяк. Значит, просто навру с три короба и пожелаю доброго утра.

– Но сперва в душ!

– Я могу сжечь себя, если что. Вонь – ужасная!

– Только душ, дурачок.

Рассмеявшись, Илья направился в ванную комнату, разделся и залез под прохладные струи, сознательно понизив температуру воды. Хотелось смыть не только пот, но и непривычно жаркое солнце, что словно прикипело к коже. Освежившись, он подпоясался полотенцем и проследовал на кухню.

Яна, в домашнем платье-футболке, как раз добавляла в кружку с молоком растворимое какао. Коричневый порошок рассыпался по белой поверхности и с неохотой пошел ко дну.

– И что же ты хотел рассказать, моя вонючка?

– Это не описать, это нужно прочувствовать.

Она захихикала, и хихиканье переросло в веселый смех, когда Илья поднял ее со стула и вместе с ней уселся на освободившееся место. Позиция их тел давала простор самым разнообразным фантазиям, для которых требовались мужчина, женщина и клочок свободного времени.

Яна шутливо предупредила:

– Так-так-так, полегче с движениями, здоровяк. Мне нельзя опаздывать. В противном случае клиенты недосчитаются нескольких отполированных ноготков. А в противных

случаях я и сама становлюсь немного противной, ты знаешь.

– А я ничего такого и не замышляю, дорогая моя женщина. Я...

Взгляд Ильи уперся в упаковку молока. Она мирно высилась над кружками и ничего необычного собой не представляла, но внутри Ильи всё равно растекся холод, который по какой-то причине сознание определило как белый – Белый Холод. Глаза отыскиали производителя.

«"Молокозавод Петрокам", – прочитал Илья. – Как и на том пакетике, что держала в руках сумасшедшая малышка».

«Молокозавод Петрокам» с 2007 года обеспечивал город молоком, йогуртом, мороженым и прочими молочными продуктами, заодно реализуя всё это по стране. Завод был неотъемлемой частью загородного ландшафта, и Илья внешне понял, что понятия не имеет, что там творится. А еще он вспомнил, что вот уже несколько лет не пробовал чистого молока.

– А оно и правда «дьявоськи» вкусное?

Кухню опять наполнил смех Яны.

– О чём ты, глупенький?

– О молоке. Оно и впрямь такое вкусное?

– Молоко как молоко. Сделать тебе какао?

– Мне... Подожди секунду.

Бережно ссадив жену с колен, Илья поднялся, взял молоко и без лишних слов вылил его в раковину. Затем швырнул пустую упаковку в мусорное ведро и взял кружку с холодным

какао Яны. Прodelал с ним то же самое. Коричнево-белый поток залпом ударил в сливное отверстие, по которому секунду назад бежало молоко. Вернул кружку на место.

– С молоком что-то не так?

– Оно просрочено, – отрезал Илья, ощущая, как голову охватывают обручи мигрени. – Извини. Нет, даже вот так: прости. Мне кажется, завтра молоко будет куда лучше сегодняшнего.

– Завтра? – удивленно переспросила Яна.

– Да, завтра. Прости. Решил, нам не стоит его пить.

– Ладно. Чай-то сегодня хоть нормальный?

Илья подсел к Яне и поцеловал ее.

– Прости, – повторил он. – Завтра я скуплю тебе всё молоко города, а сегодня у меня непереносимость лактозы.

– На пробежке что-то случилось?

– Ты не захочешь этого слышать.

Яна помолчала, а потом вернула поцелуй и произнесла:

– Тогда и у меня сегодня непереносимость лактозы. Пожелаем, чтобы день выдался удачным?

– Пожелаем.

Однако Илье что-то подсказывало, что это будет тот еще денек.

Белый «тигуан» притормозил перед шлагбаумом, и Беата опустила стекло со стороны водителя. Солнце слепило, и она

была уверена, что охранник увидит лишь блики. Не глядя показала пропуск и вскинула подбородок, наслаждаясь врывающимся в салон ветерком.

– Утречко, госпожа Абиссова! – прокричал охранник, парень с некрасивым лицом. – Я уже давно запомнил вашу машинку, даже номера записал! Так что вы в следующий раз, когда подъедете, просто посигнальте! И я этот шлагбаум, если понадобится, хоть руками откину!

– Записал мои номера?

Беата повернула голову в его сторону.

В своем легком платье, пестрившем фиолетовыми, пурпурными и белыми цветками, и в соломенной шляпке с красной лентой, она вышибала землю из-под ног у всякого, кто имел в груди хоть что-то мягче камня. Беата сняла солнцезащитные очки и внимательно посмотрела на охранника. Водянистые глаза того светились. Плотная посаженная кепка скрывала обидную для двадцати пяти лет лысину.

– Конечно же, записал! – воскликнул он, растягивая губы в глупой ухмылке. – Я, знаете ли, с головой дружу, спасибо. Номер-то мне без надобности, зато как удобно: пробьете где-нибудь колесо, а я тут как тут – номер подсмотрел, вышел и помог.

– И почему я раньше тебя не замечала?

– Вот и я о том! Конечно! И вы мой номер запишите, только не телефонный, а машины. Телефонам-то я, знаете, не доверяю. По воздуху, без проводов, только зараза разносится!

Вы так запомните, да? Огонь... ну, в том смысле, что первая буква – это «О». Потом – три, пять, два... Запоминаете, ага?

Беата не слушала. Выставив в окно левую руку, она сконцентрировалась на тех участках кожи, что находились под солнечными лучами. Почувствовала, как поры на тыльной стороне запястья расширяются, выпуская тоненькие струйки *аромата*. Ветер как раз сменился и теперь дул в сторону будки КПП.

– Я... так я что говорю... – Вид у охранника сделался ошалелым. Глаза покраснели, из носа вытекла струйка крови. – Я... как бы оно...

Не дожидаясь, пока в голове охранника окончательно всё запечется, Беата въехала на территорию молокозавода.

Обшитый синими и белыми панелями, он навевал мысли о прохладе и безупречной, остужающей белизне. По территории ползали молоковозы и авторефрижераторы. Трое мужчин в комбинезонах переругивались из-за упавшей коробки с йогуртами. Растекавшаяся под ногами липкая лужица с комочками только подогревала спор.

Беата припарковала машину, миновала еще одну проходную, на этот раз внутреннюю, и прошла в раздевалку. Там вынула из шкафчика стерильный халат и захватила бандану. Надела всё это – халат без возражений лег сверху на платье – и направилась в цех розлива. Хорошенько вытерла ноги на дезинфицирующих ковриках.

– Беата!

К ней подбежали две девушки в той же униформе – Эли и Ная. У Беаты, как у менеджера по контролю качества, были свои подчиненные, только вот назначила их отнюдь не кадровая служба. Эли, довольно робкая по своей природе, была типичной жертвой домашнего насилия. Безынициативная и блеклая, она навлекала на себя все шторма. Ная же, бело-волосая и крупная, точно викинг, отыгрывалась на муже за весь женский род, распиная его за всякую мелочь.

Обе – Сёстры Пустоты. В будущем, разумеется. А пока что ни одна об этом даже не догадывалась.

– Мои хорошие! Хорошие! – Беата обняла девушек, наблюдая в их глазах сладкую поволоку. – Что у нас нынче в женском уголке? Школа? Мужья?

– Шесты стоят как вкопанные, – бодро сообщила Ная. Посмотрела на подругу: – Расскажи ей, Эли, ну же, давай!

Эли, потупив глаза, сбивчиво заговорила:

– Я всё сделала, как ты велела, Беата. Подошла к нему вечером и не стала говорить обо всех этих женских мелочах, от которых он обычно сходит с ума. Я взяла платочек, что ты дала, и ткнула Коте в лицо. Он пришел в бешенство, заявил, что переломает мне все кости, а потом... потом он... – Она перевела дух. – Он на меня накинулся, но не ударил, а потащил в спальню. И там пыхтел, пока я не...

– Она кончила! – взвизгнула Ная, притопывая на месте. – Наша мышка достигла главного семейного огонька!

– Я почувствовала себя... неприлично новобрачной, –

робко добавила Эли. Ее щёки так и пылали.

Тут уж все расхохотались.

Правда, Беата с трудом держала себя в руках. Идиот из собачьей будки израсходовал ее дневной лимит терпения на глупости. А подобные разговоры определенно к ним относились. Особенно если приходилось выслушивать Эли, называвшую ласковым прозвищем «Котя» того ублюдка, что оставил ей трещину на бедре, прижег зажигалкой руку за чересчур горячий обед и по меньшей мере пару раз отправил в больницу.

– Но я не понимаю, Беата, – прошептала Эли, смотря с невысказанной мольбой. – Теперь Котя вообще не встает. После... ну, после *этого* он не двигается... Только дышит и молчит. Я вызвала к нему Пасвинтера, нашего участкового врача, и этим утром...

– И падал свет иных планет, – устало произнесла Беата ключевую фразу.

Разумеется, всё можно было сделать по старинке, с помощью феромонов или того же поцелуя, но внушение в долгосрочной перспективе давало куда больше преимуществ. Никаких тебе лишних хлопот: человек, раз получивший команду, безупречно исполнит ее не единожды.

Глаза девушек остекленели, а сами они разбрелись по цеху. Эли с мечтательным выражением на лице, оставшимся после сами-знаете-чего, отправилась запирать двери, а Ная вышла в центр цеха и подняла правую руку.

Этот жест тоже был триггером, только предназначался он охранникам в дежурном пункте. В эту самую секунду они обесточивали пульт видеонаблюдения. Всех случайно заглянувших зевак ожидал бы абсолютно вменяемый ответ: «Да, проблемы с энергопитанием. Нет, помощь не требуется. Всё сделаем сами». И так вплоть до требования покинуть охраняемую зону.

Беата между тем направилась к трем огромным резервуарам. Каждый хранил в себе свыше пятидесяти тысяч литров молока – после того как оно было очищено от механических включений в здоровенных сепараторах. Описанию все эти конструкции поддавались с трудом, напоминая нагромождение баков, щитов и серебристых труб.

Наконец девушки подошли к Беате. Ная сняла с ее головы бандану и бережно погладила рассыпавшиеся тяжелые волосы. Эли скинула с Чёрной Матери стерильный халатик и высвободила из платья. Поцеловала белоснежное плечо. Потом девушки стянули с нее трусики, такие же черные, как и ее волосы, и Беата просто вышла из них.

Поддерживаемая мягкими касаниями девушек, Беата поднялась по лесенке крайнего левого резервуара.

Молочная гладь была девственной и спокойной. Крошечное смотровое окошко позволяло лишний раз убедиться в чистоте продукта. Иной раз всплывший комок сливок или жира мог сказать специалисту куда больше, чем часовой замер.

Без каких-либо усилий Беата открыла технический люк. Эли и Ная остались внизу, следя за ее действиями взглядами осоловевших коров. В них было слишком мало крови Чёрной Матери, чтобы они без промедления пополнили ряды Сестёр Пустоты, но всё же достаточно, чтобы они сыграли свою роль, когда придет время.

А оно приближалось.

Беата опустила правую ногу по щиколотку в молоко, поболтала там и неожиданно для себя захихикала. Подумала, что она единственная, кто пребывает в абсолютной прохладе, пока весь Петропавловск-Камчатский изнывает от жары.

«Молокозавод Петрокам», творивший молочную магию на севере города, был сверху донизу забит кондиционерами. В закрытых системах молокопроводов циркулировала ледяная вода. Даже отгрузка молока для последующей транспортировки производилась строго при температуре не выше шести градусов.

Белый холод тек повсюду. Но его истинным центром была Беата. Черное на белом.

С этими мыслями Беата соскользнула в молоко. Холод и полумрак объяли ее, заключая в кокон из тишины. Она легла на спину и расслабилась. Кожа выделила первые феромоны. Небольшое усилие, и тело, никогда не принадлежавшее коренному человеку, заработало на всю катушку.

Люди должны быть восприимчивы к тому, что грядет. Особенно дети.

А что может быть убедительнее и невиннее молока?

Глава 3. Подготовка к шалости

1

Последней в туалет зашла Нора. Ее глаза за линзами очков-хамелеонов, как всегда, казались напрочь лишенными жизни. Отчасти это отражало ее мировоззрение: всё стоящее находится там, в безымянном и темном Городе, сторонящемся любых координат. По крайней мере, координат *этого* мира. Человеческого, если угодно.

Нора встретилась взглядом с остальными. Улыбнулась. Ее шестой «А» в эти самые секунды слушал оперу «Орфей и Эвридика». Или не слушал, а *оцепенело прислушивался*, парализованный и напуганный звуками, что внушали ужас и приказывали оставаться на местах. Нора знала, что нечто подобное провернули у себя в классах и остальные «сестры».

Крисси, скорее всего, приковала внимание учеников к физической карте Австралии и Океании, и те, как одержимые, сейчас таращатся на острова, котловины и моря, не замечая, как глаза краснеют и наполняются слезами. Никто не интересовался, почему Крисси постоянно использовала именно эту карту. Возможно, таким образом она компенсировала потаенную тягу к клочкам суши, окруженным соленой водой.

Шафран наверняка поставила у доски зайку и принудила того читать вслух что-нибудь об индустриализации и кол-

лективизации тридцатых годов. Скука смертная. После этого класс еще несколько дней будет запинаться и тянуть слова. Очередная загадка для родителей и лишний повод отправить детей не в музей, а в профилактический тур по больницам.

С Ангелом было проще всего. Как завуч по научно-методической работе, она могла перемещаться по школе так, как ей заблагорассудится. Впрочем, если уж говорить начистоту, любая из Сестёр Пустоты поступала подобным образом.

– А здесь прохладно, – безразлично заметила Нора. – Это будет Маноева?

– Или она, или Уварова, или Сахнович. – Криси подошла к двери и вслушалась в звонкую тишину школьного коридора. Ничего. – Правда, Сахнович учится в классе на год старше. Как по мне, она слишком ветреная и громкая для нашего красавчика.

– А Эва симпатизирует многим, не так ли? – улыбнулась Ангел.

– И ни одна из них не дотягивает до уровня Чёрной Матери, – отрезала Нора. – Все симпатии – только для нее! Все усердия – во благо Матери!

Все почтительно замолчали. Криси даже опустила голову, отчего ее собранный на затылке пучок темных волос задрался. Первой не выдержала Шафран. Будучи самой молодой – двадцать девять лет против тридцати трех Ангела, тридцати одного Криси и пятидесяти трех Норы, – она частенько позволяла себе лишнего.

– А почему бы мне не сделать этого, а? Я справлюсь не хуже малолетних чувырл, вы знаете.

Нора внимательно посмотрела на нее:

– Ты так сильно хочешь соблазнить Эву?

– Не сильнее вашего, – огрызнулась Шафран. – По крайней мере, я говорю то, что у меня на уме, а не молчу в тряпочку, пока другие листают мои мысли. И что плохого, если это сделает одна из нас?

– Эва не обычный подросток, Шафи. Он может *увидеть* тебя – или нас. И что будет, если он внесет кого-то в «Этхалсион»?

– Всё равно вы его хотите, стервы. Потому что до усрачки желаете заполучить частичку Чёрной Матери. Прямо туда! Между ног!

А вот это было правдой. Как и то, что загадочное слово «Этхалсион», значения которого не знала даже Беата, терзало их разумы тупым ножом. И всякий раз, когда оно звучало, волоски на коже Сестёр Пустоты вставали дыбом, будто где-то поблизости распаивалась тяжеленная дверь, за которой уютился арктический холод – абсолютный и безжалостный.

– Мы просто не кричим об этом, сестра, – мягко сказала Ангел.

– Потому и стонете только в подушку!

Все расхохотались. Опасный поворот в беседе был пройден.

– Знаете, я, пожалуй, схожу за Маноевой, – произнесла

Крисси. – Они с Эвой хотя бы учатся в одном классе.

Никто ей не возразил.

2

Крисси прошла в западное школьное крыло, где в этот момент находился седьмой «Б», класс Эвы, и остановилась перед дверьми кабинета № 22. Тронула языком лабрет в губе и одновременно с этим твердо постучала и дернула на себя дверную ручку. На мгновение зажмурилась, попав в яркие всполохи дневного света. На лицах учеников проступило облегчение.

Эва сидел на месте у окна и что-то быстро записывал в красную тетрадь. В *ту самую* тетрадь. Это мало походило на конспект урока – хотя бы потому, что подросток старательно закрывал страницы плетнем из головы, свободной руки и плеча. Его соседка по парте делала вид, будто не замечает этого.

«"Этхалсион". – Сердце Крисси застучало быстрее. – Еще одна загадка. Второе слово *оттуда*. Конечно, Шафи права. Мы все хотим этого мальчонку, потому что он – частичка Чёрной Матери. И с этой частичкой можно взаимодействовать самым естественным образом».

Заметив появление Крисси, Эва встревожился и убрал тетрадь.

– Мне нужна Виктория Маноева. – Карие глаза Крисси принялись обшаривать класс. – Кто-то был весьма неакку-

ратен при посещении дамской комнаты. А значит, пришло время уборки и коротенького разговора между девочками на предмет гигиены и трудолюбия.

Молоденькая учительница, объяснявшая классу подоплеку рассказа «О чём плачут лошади» Фёдора Абрамова, скривилась. Она вела урок, а ее так грубо прервали. Да, именно что прервали! В конце концов, существовал кодекс профессиональной этики, согласно которому педагоги должны уважительно вести себя по отношению друг к другу, особенно перед учениками. Но о каком уважении, скажите на милость, может идти речь, если педагог врывается на чужой урок, оставляя при себе и вежливость, и извинения?

Криси без труда уловила раздражение этой молоденькой потаскушки. Припомнила, что ее зовут Арина Кулешова. А для таких никаких отчеств. Только не для обладательниц огромных, крестьянских ступней, запакованных в безвкусные синие туфли.

Между тем Вики Маноева, девочка с крашеными в розовый цвет волосами, густо покраснела. Поднялся смех. Кто-то неприлично заржал, зажимая пальцами нос.

– Но я ничего такого не делала! – выкрикнула она, крутясь на месте и растерянно оглядываясь. – Я даже не была сегодня в туалете! Кого угодно спросите!

– Ага, подтверждаем: у Маноевой запор! – поддакнул кто-то, подняв уровень шума на новый уровень.

– Встань и выйди, Маноева! Не срывай мне урок! – взвизг-

нула Кулешова. Она вскочила, едва не опрокинув стол, и указала на дверь, надеясь, что для Крисси, попавшей в прицел указательного пальца, это будет оскорбительно.

– Но я ни при чём, Арина Захаровна!

– Немедленно покинь класс и уберись за собой!

Вики покорно вылезла из-за парты и поплелась к выходу, показав острослову средний палец. Никто не засмеялся. Крисси повстречала ее гробовым молчанием. Всем без исключения вдруг стало жалко девочку, которую посреди урока забирала женщина со столь бесстрастным и жестоким лицом.

Крисси и Вики ушли.

3

Вики не видела причин для того, чтобы ее куда-то волокли. Хотя, если так подумать, это было на порядок лучше, чем выслушивать что-то там о лошадях от мимишной училки.

– Кристина Константиновна, но я правда ничего такого не делала, – протянула она. Получилось жалобно, как и задумывалось. – Кто вам вообще сказал, что это была я? Настучал кто-то из моего класса, да?

Кристина Быкова, их учительница по географии, никак не отреагировала на это. Шелестя складками черных брюк-палаццо и рукавами белой блузы, она безмолвно шагала по школьным коридорам, залитым солнцем. Лицо – отстраненное и совершенно чужое, будто гнездо, обсиженное холод-

ными мыслями. Вики едва поспевала за ней.

Как и ожидалось, они пришли к женскому туалету, одному из трех, приходившихся на весь второй этаж.

Учительница распахнула дверь:

– Проходи, Маноева. Тебе понравится.

– Понравится? Вы серьезно?

Вики ожидала увидеть рулоны туалетной бумаги, что разбухают в раковинах под струями воды; наливаются влажной рыхлостью и чавкают, если их потрогать. Заодно вообразила мерзкие потоки, вырывающиеся из-под туалетных кабинок, потому что кто-то додумался засорить унитазы. Словом, Вики рассчитывала обнаружить следы обычных школьных проказ. Вопреки ее ожиданиям, в туалете было чисто, если не сказать «стерильно».

Чисто – да. Но отнюдь не пусто.

У Вики упало сердце, когда она увидела Ангелину Сысоеву, завуча по научно-методической работе. Значит, она, Виктория Маноева, единственная дочь Венеры Маноевой, и впрямь во что-то вляпалась. Екатерина Шафран, смотревшая исподлобья, и вечно невозмутимая Элеонора Дьяконова произвели на нее куда меньшее впечатление.

– Здравствуйте, – пробормотала Вики, размышляя, не стоит ли назвать всех по имени-отчеству. Решила, что не стоит. – Я ничего плохого не сделала, честно. Только не говорите маме, пожалуйста. Я всё уберу! Но... здесь вроде и так чисто.

– Ангел, что от Беаты? – спросила Элеонора Дьяконова. Ее глаза, немигающие, как у голодной черепахи, неотрывно следили за девочкой.

– От Беаты у нас немного нашего хорошего мальчика, Нора.

Сказав так, Ангелина Сысоева достала из сумочки прозрачную пластиковую коробочку, не больше спичечного коробка, вроде тех, в которых хранят беруши. Вики пригляделась и побледнела.

Внутри лежал ровно срезанный пучок каштановых волос. «Эти волосы принадлежат Эве, – вдруг догадалась Вики. – Кто-то поймал местного школьного чудилу и снял с него скальп. Чик-чик, и осталось только это».

– Почему вы назвали ее Ангелом? – шепотом спросила она.

Педагоги неожиданно рассмеялись. Самый мелодичный смех, как и предполагалось, принадлежал Элеоноре Дьяконовой.

Екатерина Шафран наклонилась к Вики и потрепала ее по щеке.

– Потому что она – сущий ангел, разве нет?

Касание учительницы, такое мягкое и обволакивающее, вызвало у девочки диковинное ощущение. Казалось, прикосновение каким-то образом уменьшило лицевые кости и теперь вытягивает их через щеку – по крохотному каналу, покрытому морщинками льда. Вики захотелось свернуться ка-

лачиком прямо здесь, на плитках пола. Мышцы рук и ног затвердели, нижняя челюсть откинулась. Страх умер, так и не народившись.

Ангелина Сысоева, раскрыв коробочку, вынула несколько волосков:

– Ты ведь знаешь Эву Абиссова, милашка?

«Да, знаю, – мысленно ответила Вики и удивилась тому, что слова звучат лишь у нее в голове, наотрез отказываясь прыгнуть на язык. – Это мальчик с глупым именем и без скальпа. Но его никто не дразнит, потому что его отец тоже работает в школе. У его отца нет имени, только прозвище – Психопат».

– Твои глаза говорят, что знаешь, – продолжила завуч и поднесла волоски к ее рту. – Но знаешь ли ты его вкус? Он незабываем, девочка. Незабываем. Как и твои мысли.

Вики с ужасом поняла, что сама запрокидывает голову.

4

Арина Кулешова безуспешно пыталась собраться с мыслями.

Ее мучило предчувствие чего-то дурного. И не в последнюю очередь скверное ожидание возникло из-за Эвы Абиссова. Подросток сидел с видом человека, ставшего свидетелем некоего ужасного события. Глаза потемнели больше обычного, кожу будто присыпали пудрой. Такой вполне мог увидеть, как любимого пса переехал автобус. И автобус явно

укатил в сторону дверей класса.

– Эва... – позвала она. – Абиссов, ты меня слышишь? Что-то случилось?

Эва встрепенулся. Остальные ученики с интересом посмотрели на него.

– Нет, всё в порядке. С чего вы так решили?

– Выглядишь нездоровым. – Арина отодвинула стул и поднялась. Перехватила несколько вопросительных взглядов. – Я на минутку. Читайте и анализируйте рассказ. Помните: он называется «О чём плачут лошади». Это подсказка. Подумайте над тем, как человек взаимодействует с природой, как заботится о животных.

– ...и рыдают ли кобылы на самом деле, – подсказал умник с дальней парты, вызвав взрыв хохота.

– Да, и об этом тоже подумайте, пожалуйста.

Выйдя в коридор, Арина притворила за собой дверь и задумалась, куда именно задавака, преподававшая географию, забрала ученицу. Понятное дело, в дамскую комнату, раз речь зашла о неаккуратности при ее посещении. Но в какую из трех?

Пересекая косые солнечные лучи, Арина решила, что не хватает запаха свежей краски. Такой аромат, отталкивающий и слегка кружащий голову, можно застать лишь в начале учебного года, а потом он бесследно исчезает. Школьное имущество вообще быстро утрачивает лоск – линолеум рвется, краска облупливается. Это же касалось и дверей школь-

ных туалетов. Оранжевые, распашные, эти двери были вместе с темными следами, оставшимися от обуви. Арина еще раз убедилась в этом, пока обходила туалеты: женские – смело, мужские – предварительно постучав.

На третьей дамской комнате ей повезло.

Арина пихнула дверь и вздрогнула, натолкнувшись на Кристину Быкову. Губы учительницы географии растянулись в улыбке, а сама она отодвинулась в сторонку и помашила рукой. Подчиняясь ситуации – когда тебя пропускают, надо войти, ведь так? – Арина ступила в туалет.

Она рассчитывала увидеть Викторию Маноеву на галереи воспитательных работ – в окружении тряпок и чистящих средств и, возможно, под ударами хлыста, коим должен был выступить недовольный взгляд надсмотрщицы. Однако обнаружила она кое-что другое – нечто противоестественное и донельзя омерзительное.

Ангелина Сысоева, их завуч, скармливала девочке волосы из пластиковой коробочки. Судя по всему, человеческие, золотисто-каштанового оттенка. Сама Маноева пустым взглядом изучала потолок, пока ее губы и язык механически двигались, ловя предложенные волоски. Слева и справа, прижавшись к ученице, будто повитухи, замерли Екатерина Шафран и Элеонора Дьяконова. Их губы непрерывно сообщали некое послание.

– Вы что-то хотели, Арина Захаровна? – спросила Кристина Быкова. – Возможно, вы пришли, потому что я повела

себя неучтиво по отношению к вам?

Они рассмеялись грубыми голосами, и Арину охватил парализующий страх. Это была вовсе не шутка, не какой-то там глупый розыгрыш. Педагоги общеобразовательной школы № 66 Петропавловска-Камчатского истязали ученицу. Прямо в школе. В женском туалете. Цинично наплевав на элементарные меры предосторожности.

«Хорошо хоть, на телефон не снимают», – отстраненно подумала она.

– Что происходит? – Голос едва подчинился Арине. – Отпустите ее. Сейчас же.

– Ты правда хочешь знать? – Шафран убрала руки. Ее глаза явственно сверкнули, хотя освещение туалета было довольно посредственным. – Понимаешь, мы могли бы использовать силу внушения, чтобы заставить Эву *пошалить*. Только вот сознание мальчика должно быть максимально чистым. В ближайшие дни – обязательно. Поэтому в бой идет подружка. Потому-то она и лопает его волосы – чтобы наш мальчик был восприимчив к тому, что она скажет. Это как если бы он пригласил на романтический ужин самого себя. А все мы любим лишь самих себя, верно?

– Что? – только и сумела выдать Арина.

Она сделала шаг назад и уперлась в Кристину Быкову. Та опять улыбнулась и коснулась языком украшения в губе. Получилось отвратительно и вызывающе.

– Ты знаешь, что похожа на девочку из аниме? – спросила

Шафран.

– Аниме?

– Ну, или из хентая. Ты не смотришь эти забавные японские мультики? Там еще всякие монстры с щупальцами, которые они то и дело распускают. Лезут и лезут ими во все дырочки.

– Я... я учу детей, мне некогда смотреть... такое.

Тут Арина солгала.

Да, ее не интересовала мультипликация, особенно такая пошлая. Не интересовал ее и кинематограф. Но детей это воздержание совершенно не касалось. Всё свободное время Арина посвящала чтению, как и положено хорошему учителю, который стремится овладеть своим предметом. В ее случае – литературой. Только и это было не совсем правдой. Арину манили романтические истории о тех, кто продал душу дьяволу в обмен на силу. Она понимала, что такова участь многих несчастных девушек: искать в себе отголоски измышленной власти, чтобы устроить собственную жизнь. Понимала и ничего не могла с этим поделать.

– Вы – ведьмы? – в изумлении прошептала она.

– Набор в клуб закрыт, – сразу предупредила Шафран. Она оглянулась. – Нора, ты лучше разбираешься в таких вещах. Просвети нас: мы – ведьмы?

Учительница пения и музыки улыбнулась – абсолютно очаровательной, бесподобной улыбкой живого трупа. Шафран кивнула и повернулась к Арине.

– Мы – женщины исключительных вкусов, так сказать, – доверительно сообщила она. – Женщины высшего порядка, если угодно.

– Ведьмы, – выдохнула Арина, чувствуя, как дрожат ноги. Шафран пожал плечами:

– Ну да, слово «ведьмы» тоже подходит.

– Только полегче, Шафи, – подала голос Ангелина Сысова. Она как раз подавала девочке последние волоски, будто заботливая мама-птичка. – Я не планировала в ближайшие часы перекраивать расписание. По крайней мере, до обеда. Так что особо не усердствуй.

– Не беспокойся, Ангел. – Шафран приблизилась к Арине. – Ты хоть представляешь, какой счастливой вот-вот станешь?

Где-то через пять минут Арина в сопровождении Виктории Маноевой вернулась в класс. Как ни старалась, она не могла вспомнить, куда и зачем выходила.

Только губы жгло так, словно она целовала крапиву.

Глава 4. Шалость

1

Всё было как обычно.

Хищник с клыками, наточенными министерством образования, покинул логово, и зверьки зашевелились. Эва поразмыслил над этим и решил, что лучше обозначить уход Кулешовой как-то иначе. Скажем так: кот из дома – мышки в пляс. Нечто подобное говорила мать, когда отец рассказывал о школьных неурядицах.

Тем временем 7 «Б» перешел к стойкам на ушах и выставлению оценок за это квалифицированным жюри из сорвиголов. Убедившись, что класс пошел по пути отрицания и подросткового саморазрушения, Эва полез в рюкзак.

Сидевшая рядом Варвара Филиппова демонстративно отвернулась. Это была довольно крупная девочка – с большим лбом, чей объём только увеличивался за счет неудачной причёски. Она неизменно хранила молчание в любых ситуациях и даже у доски отвечала голосом недоедавшего человека.

И это вполне устраивало Эву. Он достал «Этхалсион» и приготовился подарить бумаге несколько мыслей. Но перед этим бросил взгляд на парк «Мишенная сопка», на который выходили западные окна школы. Какая-то часть Эвы ожидала увидеть там компашку детей – тех самых, что избивали прутами извивавшийся мешок. По счастью, парк пусто-

вал. Будний день и ранний час действовали лучше всякого жандарма. Только редкие спортсмены-одиночки продолжали наматывать круги по тропинкам.

На парту с грохотом опустились две руки. Обе чумазые. На тыльной стороне левой красовалась летающая тарелка, сбрасывающая пахучие кучки на бежавших человечков. В качестве краски для натальной живописи использовались обычные синие чернила.

– Как дела, Эв? Записал что-нибудь интересное?

Эва поднял глаза на Лёву. Тот, поблескивая очками, широко улыбался. Из карманов его пиджака торчало несколько карандашей. Почти вся школа пришла в рубашках и блузках, но только не Лёва. Почему? Потому что Лёва таскал на себе запасы всего, что могло писать, рисовать или любым другим способом пачкать всевозможные поверхности. О его школьном рюкзаке, напоминавшем канцелярский склад, не стоило и говорить.

– Ты покинул свое место, Лев, – спокойно заметил Эва. Со вздохом убрал тетрадь.

– Все птенцы рано или поздно так делают.

– Птенцы покидают гнёзда, а ты покинул свое место. Что привело тебя, о путник?

– Оценка моего скромного творчества, о мудрейший. – Лёва показал левую руку с летающей тарелкой, потом покосился на Филиппову. – Ну, чего замерла, Варварник? Уступи место, дай с другом посидеть.

Соседка по парте покраснела, но не пошевелилась.

Эва осуждающе посмотрел на приятеля:

– Не груби девочке, Лёва. Вы ведь рядом живете. А вдруг помощь потребуется?

– Так я к тебе приду: ты тоже рядом живешь. Вот так.

– Ну хорошо, живу. Как тебе такая карта: она вырастет и заставит побегать за собой?

– Ой, да чего я там не видел! Что и у всех. И не вырастет она: немой громадиной и останется. Такие камнями называются. На них еще лягушки греются.

Филиппова покраснела пуще прежнего.

«А вот тут ты перешел всякие границы, Лёвушка, – с раздражением подумал Эва. – Это тебе не кучки, падающие с неба, рисовать. Это живой человек – с памятью, которая делает слепки после каждого нашего слова».

Он уже готов был задать приятелю взбучку, если тот сейчас же не извинится или, на худой конец, не прикусит язык, как дверь класса распахнулась. Вошли учительница и Вики. Кошка вернулась в дом и привела мышку. Пол противно задребезжал, когда все, двигая стулья, бросились по местам.

– Продолжаем урок, дети, – проговорила Арина Кулешова, садясь за стол. – Природа, человек и лошадь – кто скажет, как они связаны?

Никто не поднял руки, обозначая готовность дать ответ, но учительницу, судя по всему, это мало беспокоило. Она уставилась в окно, как совсем недавно это делал Эва. Глаза

ее тревожно потемнели, говоря о том, что мысли за ними далеки от радужных.

Эва ощутил, как его пробирает озноб.

Их учительница по русскому языку и литературе утрачивала цвет.

Ее вечно румяные щечки чернели и тлели, понемногу обретая фактуру подгоревших, обветренных картофелин. В глазах погасли последние отблески энтузиазма и молодости; радужку затянула поволока смерти. Удобная и легкая кофточка, лоскут за лоскутом, обратилась в рубище из плохо сшитых бинтов, по которым ползали крошечные белые черви. Граница волос сморщилась и отползла назад, ближе к спине. Оголилась кость черепа.

За учительским столом восседало мертвое существо. В его облупившуюся физиономию било солнце, но оно даже не моргало.

Эва быстренько вытянул убранный «Этхалсион». Рука, подхватив ручку-роллер, пустилась в судорожный пляс на бумаге.

«Тот же день. Урок литературы.»

Заходила тетя Крисси. Она была грозной, не такой веселой и забавной, как при встрече с мамой или со мной. Она забрала Вики Маноеву. При этом смотрела на нее так, будто это не девочка, а кусок мяса. Словно хотела, чтобы я тоже признал, что остальные не важнее говядины, которую мы едим на ужин или в бутербродах.

Надеюсь, эту запись никто не увидит. Особенно тетя Крисси».

Эва посмотрел на Кулешову, пребывавшую в том же образе жуткого выходца из могилы. Вновь склонился к тетради, не замечая, что соседка по парте с интересом косится в его сторону.

«Наша учительница пошла за тетей Крисси и Вики. Вероятно, она тоже обеспокоилась тем, как тетя Крисси тарасилась. Что бы ни случилось снаружи класса, это изменило учительницу. Вернувшись, она обратилась в мертвячку. Таких обычно показывают в фильмах ужасов.

Я видел много живых мертвецов. Не шатающихся выпивох, а будто бы настоящих. Дядю Тима из обувного. Веру Максимовну из нашего подъезда. Многих других. Но никто из них так и не умер. Возможно, они все скучают по смерти. Возможно, глубоко внутри по смерти скучает каждый. Но я никогда не буду. Хотя, наверное, здорово лежать там, внизу, и улыбаться, пока земля щекочет тебе губы.

Наверное, именно об этом сейчас думает моя учительница литературы. О смерти и прохладе. И возможно, еще о лошадях, которые почему-то плачут».

Он повернул голову и обнаружил, что на него пристально смотрит Вики, сидевшая через ряд, у стены. Без эмоций. Без тени улыбки или обиды. Смотрит как механизм, который оценивает поставленную перед ним задачу. А еще Эве показалось, что Вики тоже должна выглядеть иначе, *по-осо-*

бенному, будто очередной кошмарный образ «Этхалсиона». Но он так ничего и не увидел.

Пожав плечами, Эва приготовился к концу урока.

2

Прозвенел звонок, и все как угорелые бросились собирать вещи. Причину суматохи знали даже первоклашки. Столовая. Или столовка. Лично Эве больше нравился первый вариант.

Пятые, шестые и седьмые классы в эти секунды бурными потоками спускались по ступеням и преодолевали подъёмы, несясь навстречу заготовленным блюдам. Хотя «блюда» – это сильно сказано. Нет денег – нет выбора, кроме как употребить то самое «блюдо». Впрочем, если верить отцу, сейчас еда в школьных столовых была в разы лучше, чем раньше.

С этими мыслями Эва забросил рюкзак на плечо и направился к дверям. Учительница, такая же бесцветная и мертвая, продолжала пялиться в окно. Правда, на ее щеках уже проклевывался бледный румянец. Одежда понемногу приобретала первоначальный вид – бинты скручивались и уменьшались. «Этхалсион» сделал свое дело. Без тетради кошмарный образ мог держаться довольно долго. Вплоть до нескольких дней, как было в *тот* раз.

«Интересно, какая судьба ждет вас, Арина Захаровна, – подумал Эва. – Я бы не хотел, чтобы с вами что-нибудь слу-

чилось. Будьте осторожны».

В дверях показалась голова Лёвы.

– Эв, ты идешь? – спросил он, раздувая щёки. – Блинчики, блинчики, Эв! Сегодня, как я слышал, дают блинчики!

– Можно подумать, кто-то вручит тебе дополнительную порцию. Даже если ты хвостиком повилеяешь.

– Но ведь они остынут! – тоскливо провыл Лёва.

Его голова исчезла, и Эва улыбнулся. В коридоре он остановился. Пока прочие пробивались к грудам *остывающих* блинчиков, кое-кто молчаливо ждал. Напротив дверей класса, привалившись к стене, стояла Вики Маноева. Во взгляде – какая-то дымка, в крашенных розовых волосах – отблески нездорового света. Руки обхватили рюкзачок, словно в попытке через него обнять себя за бока.

– Эва, хочешь кое-что увидеть? – вдруг спросила она.

Ее глаза были непривычно широко раскрыты, и Эва ступешевался. Ощутил тепло в груди. Он находил Вики симпатичной и приятной в общении – господи, она ему даже снилась пару раз! – но сейчас безобидное влечение приобрело какой-то новый оттенок. Семейный, что ли. Как будто он смотрел на человека, которого знал так же хорошо, как себя.

– Что именно увидеть?

Вики улыбнулась:

– Награду.

– Награду? Награду – за что?

– За подвиг. – Улыбка девочки стала шире и опаснее. –

Ты ведь сделаешь ради меня что-нибудь особенное? Я ведь тебе нравлюсь, Эва? Ты ведь хотел бы увидеть *кое-что*?

– Кое-что? – Во рту Эвы пересохло.

У него никогда не возникало мыслей о том, что ему позарез нужно «кое-что» увидеть, что бы под этим ни подразумевалось. Он полностью отдавался расшифровкам того, что замечал в окружающем мире. Это казалось важным, словно на Эве лежала ответственность за некую мысль, которой еще только предстояло вызреть в его душе.

Но *кое-что* увидеть?

Эва готов был увидеть всё. Нет, не так. Он хотел, чтобы Вики ему доверяла. А судя по всему, именно это сейчас их и связывало – доверие.

– Это какой-то предмет? – наконец прошептал он, ощущая себя распоследним глупцом.

– Я не знаю, – неожиданно призналась Вики, и Эва по ее лицу понял, что это правда. – Я... в смысле...

– Не переживайте, леди. Что я должен сделать?

– Какой-нибудь подвиг. Эва, я... – Глаза Вики внезапно полезли из орбит, а сама она потянулась пальцами себе в рот. Отчаянно попыталась ухватить что-то. – Они очень жгут! – Она мерзко рыгнула. – Они... Сделай это! Достань их! ДОСТАТЬ НЕМЕДЛЕННО!

Ничего не понимая, Эва растерянно взмахнул руками, не зная, как подступиться к однокласснице. Однако Вики уже беззаботно смеялась, прижимая рюкзачок к груди и выти-

рая об него пальцы. Казалось, в ее голове возник огромный небесный ластик, вычеркнувший из сознания последние произнесенные слова. Чирк-чирк – и всё снова хорошо, можно и дальше торговаться.

– Прославься, Эв, или они убьют меня, – прошептала Вики с улыбкой Кассандры. Кожа у ее глаз вдруг сделалась темной, словно она долго не спала, но организм вспомнил об этом только сейчас.

– Что? Ты не шутишь?

Эва беспомощно завертел головой, пытаясь обнаружить тех, о ком говорила Вики. По коридорам бегали ученики, ища короткие пути в потоке, который сами же и создавали. В школьные окна заглядывало солнце, выжигая любые темные мысли. И больше ничего, никаких подозрительных личностей.

Когда Эва обернулся, Вики уже и след простыл.

3

Держась за стену, Симон Искра по-рыбьи хватал ртом воздух. Он находился на втором этаже восточного крыла, недалеко от кабинетов биологии и физики, и дрожал всем телом. В голову лезли всякие странные мысли.

– Глянь, глянь, этот-то окончательно *заискрил!* – изумился кто-то, и ему ответил хохот.

Симон замахал рукой, показывая, чтобы все, включая учителей, катились куда подальше. После этого урока шко-

лу, судя по всему, переместили в жерло вулкана. Имелся и другой вариант, посерьезнее: в школьную котельную наняли кого-то из ада, и теперь тамошние оглоеды навели здесь свои бесовские порядки.

Он повернулся к окнам. Поморщился и привстал на цыпочки, чтобы смотреть поверх голов. Снаружи если что-то и походило на вулкан, так это Корякская и Авачинская сопки, располагавшиеся в двадцати шести километрах к северо-востоку от города. Но они ничем не выдавали своего интереса к школе или Симону. Обратней с черными лицами и в комбинезонах с надписью «СЛУЖБА АДА» тоже нигде не наблюдалось.

«Я схожу с ума, – с испугом подумал Симон. – Нет, у меня плавятся мозги. По-настоящему. Такое же возможно? Вполне. Особенно при такой-то жаре. Где Эва? Почему на меня дул ветер, когда я смотрел на него? Где он?»

Как только урок обществознания, проводимый для 9 «А», закончился, Симон бросился на поиски Эвы. Однако уже через несколько шагов его крепко скрутило. В голове пульсировала тупая боль. Безрукавка из кашемира не справлялась с маскировкой влаги и теперь просто висела – такая же мокрая и тяжелая, как и рубашка. Сейчас Симон мало походил на образцового учителя. Всего лишь бедолага, что внезапно слетел с катушек.

Удивительно, как он вообще дотянул до половины двенадцатого и не хлопнулся в обморок. Да, он слышал смешки

на уроках, но кто станет отвлекаться на такую мелочь, когда на кону – понимание общества и *прохладный мальчик*.

Пока он всё это обмозговывал, кусая губами воздух, рядом остановилась девочка. Лет тринадцати. Розовые волосы. Сосредоточенный взгляд, в котором не было и намёка на сочувствие. Явно из породы жестоких сволочей.

Сквозь жар в голове всплыла подсказка: девочка училась вместе с Эвой. Виктория Маноева. Ученики зовут ее Вики.

– Где он? – прохрипел Симон.

– Направляется в столовую. Сказал: если я не покажу ему трусики, он что-нибудь учудит. Но это ложь.

– Учудит?

– Да. Мне кажется, он сошел с ума.

Симон смутно подивился тому, что девочка как будто изначально знала, о ком пойдет речь. Остальное с трудом нашло место в его шкварчащих мозгах.

– Вы ведь всё запомните и передадите *кому следует*?

– Да, непременно... передам кому следует, – отозвался Симон, по-прежнему мало что понимая. – А теперь иди. Мне надо его разыскать, ладно? Иди, я со всем разберусь. Образцовый учитель – образец во всём, да?

Отвернувшись, Симон побрел вдоль стены и завернул за угол. Старался держаться с достоинством, хотя дрожащие губы говорили, что достоинства ему не видать. Так он поднялся по ступеням и перешел в западное крыло. Внезапно внутри Симона всё перевернулось. Легкость и свежесть заполни-

ли каждую клеточку его тела. Губы прекратили трестись и отвердели, как и полагается губам хорошего учителя. В лицо ударил освежающий бриз.

Впереди по коридору шагал Эва Абиссов.

Симон выдавил улыбку и побрел следом.

4

Вики долго смотрела в спину Симона Искры, пытаясь понять, говорили они о чём-нибудь или нет. По мере того как она размышляла, организм всё яростнее сигнализировал, что ему худо. Наконец Вики кинулась в ближайший туалет, даже не заметив, что он предназначался мальчикам.

Когда желудок пару раз вывернуло наизнанку, ей полегчало. Она смыла за собой и быстро выскочила наружу, боясь, что ее обнаружат. Ей и в голову не пришло, что она исторгла то, чем не завтракала: изжеванный пучок человеческих волос.

5

Опустив голову, Эва смотрел, как под ногами стелется однообразный узор из серых точек на синем фоне. Какой бы гений ни придумал эту комбинацию для линолеума, он явно не видел ничего красивее синяков и запятых. В голове крутилась брошенная Вики фраза.

«Прославься, Эв, или они убьют меня».

«Это просто смешно, – думал Эва. Он напоминал себе ша-

рик, с которым играют струи живого потока. – Сейчас никто никого не убивает. Люди умирают сами, ведь так? Или их случайно сшибают по дороге на работу или в гостиницу. Или им разбивают сердца, а несчастные уже сами отказываются жить. И вообще, люди – бессмертны».

Только вот он знал, что это неправда.

Будь иначе, Эва бы никогда не завел красную тетрадь под названием «Этхалсион». Из глубин памяти вдруг протянулась белая тонкая рука с посиневшими ногтями. Тянулась из темноты. Самая *первая* запись «Этхалсиона». Эву пробрал озноб: мертвая девочка передавала привет из недр его души, в которых теперь обитала.

«Привет, – говорила она. – Спасибо, что иногда вспоминаешь меня. Почему бы нам сегодня не увидеться? Обещаю, буду вести себя так же безмолвно, как и в тот раз, когда ты кричал и обливался слезами от ужаса. Что скажешь? Часика в два пополудни годится?»

Эва ускорил шаг и не заметил, как буквально влетел в столовую. Отовсюду доносились гомон, смех и скрип вилок. Кажалось, пятые, шестые и седьмые классы уничтожали мировые запасы блинчиков самых разнообразных начинок. Солнце, бившее в высокие окна, высвечивало жующие, фыркающие и хохочущие физиономии.

Над поверхностью голов показался довольный Лёва. Уголок рта весь в джеме.

– Эв! Эва, чтоб тебя! Давай скорей! Твоя порция под моей

защитой! Но половинка одного блина моя, да?

– Ешь всё! – отозвался Эва, не сводя глаз со столов.

Сегодня подавали кофейный напиток с молоком. Сколько в нём кофе – можно было только гадать. Да и кто бы в своем уме дал и без того гиперактивным, визжащим существам, наводнившим школу, полноценный кофеин?

Эва посмотрел на стаканы с мутно-коричневой бурдой, перетекавшей в чавкающие рты, и его чуть не вырвало. С недавнего времени он полностью отказался от молока. У него не имелось внятного объяснения этому, кроме инстинктивного убеждения, что с молоком что-то не так. Казалось, теперь оно зажигало проволочки накаливания, протянутые по всему телу. После молока хотелось... пакостить.

И сейчас вся столовая накачивалась этим желанием *напакостить* кому-нибудь. Но чего-то не хватало, недоставало малости. Словно кто-то пролил бензин и теперь метался в поисках спичек.

«Это мысль, – вдруг понял Эва. – Спичка, которой не хватает, чтобы все сошли с ума, – это мысль. Не обида, не злость, а чья-то мысль».

На мгновение ему показалось, что он сумеет отыскать эту мысль в себе. А это до чертиков перепугало его: не хотелось, чтобы такая орава в мгновение ока свихнулась. Обожили здешние крикуны «бензиновое молоко» или нет – будет лучше, если все спички останутся рассованными по карманам.

«Прославься, Эв, или они убьют меня».

Эва поискал взглядом Вики. Что она имела в виду? Ей и впрямь кто-то угрожает? Он ахнул. А если она тоже видит каких-нибудь страшных образин и тоже *вписывает* их в тетрадь, лишь бы они отвязались?

«Нужен подвиг, Вики? Хорошо, будет», – твердо решил Эва.

Наконец он увидел то, что отстраненно высматривал.

В дальнем углу зала находились обеды для учащихся из малоимущих семей. Эва ни разу не видел, чтобы к этим столам кто-либо наведывался. Все так называемые малоимущие добирались в школу на автомобилях с личным водителем и без проблем покупали в школьной кафетерии всё, что им требовалось.

Сейчас у столов находился одинокий мальчик, жевавший со скучающим видом кусочек блина. Худой. С темными кругами под глубоко посаженными глазами. Поставив левую ногу на скамью, он оперся на коленку и безразлично орудовал вилкой.

Заметив приближение Эвы, мальчик произнес:

– Только не пей эту дрянь, Эв. Мой желудок подсказывает, что молоко для нее надоили у батареи отопления.

Эва сдавленно хохотнул:

– Знаешь, мой желудок того же мнения. Но он еще и к заднице прислушивается. А там тоже что-то не особо довольны.

На этот раз хохотнул мальчик. Впрочем, лицо его всё рав-

но осталось таким же безжизненным и пустым.

– Ты знаешь, как меня зовут? – осторожно спросил Эва.

– Все знают, как зовут ребенка с красной тетрадью, сына Психопата. Без обид.

– Без обид. – Эва слышал, как отца потчуют за спиной, и не горел желанием защищать вспыльчивого родителя. – А ты? Как твое имя?

– Гелий. Только не как газ, а как греческий царь. Сирота. – Мальчик показал на переполненные тарелки и стаканы: – Кому-то же должно было это в итоге понадобиться, правильно? Только не пей эту дрянь, – повторил он. – У меня дурное предчувствие. У меня теперь всегда дурное предчувствие.

После этого мальчик положил вилку на край стола и ушел, опустив голову. У Эвы болезненно сжалось сердце. Он и забыл, что эти столы не только для выпендренников, чьи отцы и матери разбирались в бумажных махинациях.

Секундой позже Эва набросился на «бесплатное угощение». Да так, словно за душой у него ничего не было: ни завтрака, ни родителей.

6

Симон, выпучив глаза, смотрел на Эву Абиссова и не мог *надъшаться*. Лопатки мальчика, торчавшие под синенькой рубашкой, то поднимались, то опускались, когда руки подносили к голове вилку с бесформенным куском обжаренного теста, сочащегося начинкой, или стакан с кофейным напитком.

КОМ.

Учитель обществознания едва сдерживал радость. Тремя минутами ранее он тащился за Эвой по школьному коридору, а потом и по столовой, будто полуспущенный воздушный шарик на ленточке. Стоило отвернуться, и накатывала тошнота. Ученики, столы, лужицы кофейного напитка – Симон ничего не замечал.

Сейчас, когда они оба наконец остановились, всё поменялось в лучшую сторону. Освежающий ветерок задувал под воротник и охлаждал тело. Пот на лбу высыхал как по мановению волшебной палочки. Воздух казался невероятно вкусным и прохладным, будто шоколад из холодильника.

Внезапно тошнота вернулась – налетела всепоглощающим шквалом мировой дурноты. Теперь Симон не сомневался, что схватил тепловой удар, или солнечный, или оба сразу.

Бросив на Эву короткий взгляд, он сорвался с места. Пулей вылетел из столовой и, не разбирая дороги, помчался по коридору. Перед глазами маячил образ Эвы Абиссова. И образ раздувался, покрываясь жирными лишаями, сочащимися коричневой жидкостью. У столов фыркала и насыщалась невообразимая тварь, проглотившая мальчика. Воображение не скупилось на подробности, вырисовывая их всё четче и четче.

Подвывая от ужаса, Симон резко повернул за угол и врезался в чье-то плечо.

– Симон Анатольевич, вы не в себе? Ваше счастье, что вы

налетели на меня, а не на какого-нибудь лоботряса, нахватавшегося от отца принципов школьного образования. Что случилось?

На Симона с раздражением смотрел Савелий Абиссов, завуч по учебно-воспитательной работе. Не изменяя своему вкусу, Абиссов носил синий блейзер, однотонную рубашку, идеально выглаженные брюки и темно-коричневые кожаные мокасины. Хмурясь, он потирал правое колено, хотя удар, насколько помнил Симон, пришелся ему в плечо.

«Красивый сукин сын», – совершенно некстати подумал Симон и вздрогнул. Мысль показалась ему чужеродной, присланной извне.

– Твой сын, Савелий, сейчас в столовой уплетает обед, предназначенный детям-льготникам. Это шантаж, ясно? Или трусики, или он будет *чудить*!

– Что?!

Мысли Симона не поспевали за языком, но даже в таком лихорадочном состоянии он понимал, что выплескивает наружу не факты, а свой припадок. Он даже не заметил, как перешел на «ты», чего обычно себе не позволял. Стоявшие неподалеку ученики прислушались. Кое-кто полез в карман за смартфоном.

– Именно, Савелий, именно. Твой сын шантажирует одноклассницу. Или трусики, или чудачества, слышишь? А что будет дальше? Он начнет бить стёкла и резать ими других детей, пока ему не дадут сладенького?

Лицо завуча побледнело; в серых глазах простерлась долина гнева. Отпихнув Симона, он устремился по коридору в сторону столовой. Недолго думая, Симон бросился следом, ведомый ароматной струйкой свежего воздуха. Он напомнил себе кобылу, неспособную сойти с колеи. И сейчас такой колеей выступал запах лосьона после бритья, исходивший от Абиссова.

В столовой они появились почти одновременно.

– Трусики за компот! – громко провозгласил Симон.

Никто не обратил на это внимания. Классы продолжали свой относительно спокойный прием пищи, и мало кто замечал, что один из учеников, Эва Абиссов, насыщался там, где ему не положено. Два или три педагога, с выражением искреннего недоумения на лицах, уже направлялись к нему.

Симон ощутил, как незримые когти, крутившие с самого утра вентиль с горячим и холодным воздухом, наконец-то оставили его в покое. Его ноги подогнулись, и он обессиленно рухнул на свободный стул.

7

– Что ты себе позволяешь, Эв?

Голос отца был тяжелым, как камень. Но куда тяжелее была его рука, опустившаяся Эве на плечо.

Только тогда до подростка дошло, что он крупно вляпался.

Глава 5. Все виды расплаты

1

Они стояли рядом с питьевым фонтанчиком. Стояли и молчали. Будто бык и матадор, ожидающие, когда освободится арена для корриды.

Сава, положив правую руку на плечо сыну, пытался прогнать желтые и красные пятна гнева, прыгавшие перед глазами. Он знал суть корриды и прекрасно понимал, что у «бычка» нет никаких шансов.

Эва тоже отлично понимал, что сейчас произойдет. Он никогда в жизни не интересовался корридой и плохо представлял, в чём ее суть. Но он знал, почему они замерли в южном коридоре второго этажа, подставив полосе света кончики кроссовок и мокасин. Со стороны могло показаться, что они размышляют, сильно ли их мучит жажда. На деле же они ждали, когда закончится перемена.

Абиссов-старший ждал, борясь с яростью.

Абиссов-младший – с испугом.

«Свидетели разойдутся, и тогда-то всё и начнется», – с горечью подумал Эва.

Отцовская рука всё ближе подбиралась к воротнику его рубашки по мере того, как пустели коридоры.

Наконец захлопнулись последние двери. Топот стих.

– Идем к директору, Эв. Нам есть что обсудить.

– Пап, послушай, это...

Договорить Эва не успел. Отцовская рука всё-таки забралась под воротник, застыв там твердыми камешками, а потом толкнула его. Эва охнул, неожиданно обнаружив, что каким-то образом сумел преодолеть пару метров, не касаясь пола. Он рухнул на колени, растянулся. Рюкзак мягко наехал на затылок.

Эва вскочил на ноги и резко развернулся. Почувствовал, как откуда-то из желудка, затопленного кофейной бурдой, в кровь бьют злость, раздражение, упрямство – качества, совершенно ему не свойственные.

– Я же твой сын! Твой сын! Как ты можешь!

– Это всё чёртова тетрадь, в которой ты постоянно что-то пишешь и пишешь, будто сумасшедший. Давай-ка ее сюда.

Это сложно было объяснить, но Эва почему-то был уверен, что подобное против правил. Против каких-то негласных, неустановленных правил – вроде тех, что порой заключают враждующие стороны. Например, не портить запасы питьевой воды и не трогать детей... и их красные тетради. Вдобавок в «Этхалсионе» Эва выплескивал свое разочарование отцом, иногда приобретавшее черты гротескной злости, так что сохранение тайн тетради приравнивалось в некотором роде к обеспечению безопасной жизнедеятельности.

– Нет, – прошептал он.

Лицо Савы исказилось от гнева. «А вот и твое слабое место, да, сынок? – вскипело у него в голове. – Ничего, ерунда,

я не дам тебе стать таким же безумцем, как твой дед».

– Дай сюда, я сказал.

– Нет, пап, пожалуйста!

Это привело Саву в состояние еще большего бешенства. Мало того, что Эва считал общественный транспорт – скотовозками и, как оказалось, ни во что не ставил всё, что делалось государством для льготников, так он еще и продолжал называть его «папой». Здесь! Здесь, чёрт возьми!

– Эв, Эв, – произнес Сава и постарался, чтобы голос не дрожал от ярости, – ты ведь знаешь: это строжайше запрещено. Только имя и отчество, помнишь? Это вопрос уважения. А без этого в школьных дебрях никуда, сам понимаешь. Отдай мне тетрадь по-хорошему, и мы вместе посмотрим, как она горит.

Какое-то время они настороженно приглядывались друг к другу. Хватило бы и малейшего шороха, чтобы один бросился удирать, а второй с рычанием кинулся следом. И на этот раз их ничто бы не остановило, даже чье-либо присутствие.

Внезапно Эву осенило, и он скороговоркой выпалил:

– Мама запретила тебе ее трогать. Ни за что! Никогда! Ни при каких обстоятельствах!

Упоминание Беаты, к удивлению Савы, имело мощный успокаивающий эффект. Гнев мгновенно утих, уменьшившись до справедливого огонька, вызванного неподобающим поведением отпрыска. Сверх того, опять разболелось колено.

Пару лет назад с Савой на пробежке приключилась неприятность. Конечно же, не такая трагическая, как с Алисией Абиссовой, но всё равно довольно-таки досадная. Спускаясь с пригорка, Сава угодил правой ногой в сусличью нору, которой еще вчера не было. В результате тело подалось вперед, а колено – назад. Помнится, Беата в больнице сказала, что спорт – это не для всех. Схожим образом она вроде бы высказалась и про смерть Алисии Абиссовой.

Сава удивленно заморгал. О чём он только что толковал с Эвой? Явно о каком-то проступке. Пришлось приложить недюжинное усилие, чтобы вспомнить о том, что случилось в столовой. Это пугало. Похоже, с памятью дела обстояли всё хуже и хуже. «Не мешало бы показаться врачам, – с неохотой признал Сава. – Заодно и колено пусть осмотрят».

– Почему ты замер, Эв? Или считаешь, что директор школы сам к тебе пожалует?

– Нет... Савелий Адамович, я просто... споткнулся.

– Вот и отлично, идем.

Через минуту они уже стояли у двери, за которой для любого учащегося начинались равнины унижений.

2

Кабинет директора имел на двери самую что ни на есть неприятную табличку. Она сообщала посетителям, что внутри обитает такой зверь, как «ДИРЕКТОР ШКОЛЫ». Без фамилии, имени или отчества. И Владлену Григорьеву

нравилось ощущать себя эдаким мифическим существом.

Разумеется, все знали, как выглядит человек, занимающий эту должность. И всё же порой случалось так, что в школьные земли забредал охотник, понятия не имеющий о роде, комплекции и нраве зверя, которого выслеживал. Именно поэтому Владлену нравилось находиться вне стен собственного кабинета – чтобы, так сказать, воочию понаблюдать, как посетитель его ищет, справедливо полагая, что директором может оказаться кто угодно.

Но сейчас «школьного зверя» изловили прямо в логове.

Дверь кабинета отворилась без какого-либо постукивания, и вошел сосредоточенный Сава, подталкивая перед собой сына.

Владлен в этот момент просматривал акт о списании, готовясь утвердить его. Больше он, разумеется, поражался. Изумление вызывало количество списываемых рулонов туалетной бумаги и бумажных полотенец за месяц. Он словно управлял огромной общественной уборной, занимающей несколько этажей и в которой, как ни крути, можно было победать и почитать. И необязательно вне стен туалетной кабинки.

– Вот это улов, – со скепсисом заметил он, откладывая бумаги.

– Здравствуйте, Владлен Маратович.

– Привет, Эв. Как жизнь? Кипит? Можешь не отвечать. Проходи.

Эва замер, не дойдя до брифинг-приставки, за которой начинался стол главного человека в школе, пару метров. Голова опущена, кулаки сжаты. Воротник рубашки – торчком. Сава тем временем отошел к открытому окну и принялся хлопать по карманам блейзера.

– Наслышан о твоей выходке, парень, наслышан. – Владлен подался вперед и поморщился, ощутив, как рубашка противно отлипла от кресла.

– Да вся школа уже наслышана, – процедил Сава. Он наконец нашел то, что искал: смятую пачку сигарет и дешевую зажигалку. Закурил. И куда только подевалась его Zippo?

Заметив неподобающее поведение зама, Владлен с укором развел руками. Сава втиснул зажигалку в сигаретную пачку и не глядя бросил. Владлен поймал сигареты и тоже закурил. Подумал, что таким зверя в логове, пожалуй, еще никто не видел. Кроме разве что Савы. И секретарши Аси. Но та видела и побольше.

«Ерунда какая, – беззаботно решил он. – Подумаешь, зам и директор закурили. Окна всё равно нараспашку, а остальные умеют стучаться. Если их, конечно, пропустит Ася, предварительно не покусав при этом».

Владлен едва не хохотнул, представив, как секретарша, столь похожая на мопса, скалит зубы и твякает на посетителя. Затем с прищуром уставился на Эву. Понял, что подросток прекрасно осознаёт, что сегодня ему не отделаться инфантильным «я больше не буду».

– Я хотел пить. И есть, – неожиданно промямлил Эва.

– И потому ты решил, будто можешь выпить и съесть то, что предназначалось детям, коим дарованы льготы? – уточнил Владлен, изображая изумление. Впрочем, особо стараться над эмоцией не пришлось: достаточно было вспомнить акт о списании. – Государство, знаешь ли, заботится обо всех, парень. А тут появляется Эва Абиссов и заявляет, что заботиться нужно только о нём. Не ври, Эв, не надо. Что побудило тебя на столь скверный поступок?

Эва молчал. Владлен и Сава курили. Со стороны могло показаться, что два детектива пытаются расколоть малолетнего преступника, покрывающего банду, что поднаторела в налетах на охраняемые фургоны, перевозящие кофейные напитки и блинчики.

– Эв, у меня есть информация, что ты шантажировал одноклассницу. Это так? Ты хоть знаешь значение слова «шантаж»?

В глазах Эвы промелькнуло непередаваемое удивление. Он догадывался, что такое шантаж: когда один человек угрозами подчиняет себе другого. Но разве что-то подобное действительно происходило?

– Это неправда! Это... Кто вам сказал такое?

– На благо школы трудится не только твой отец. Верно, Савелий?

Сава не ответил, продолжая изучать школьный двор.
«На благо школы трудится не только твой отец».

Владлен замер. Улыбка на лице стала вялой, потерянной. До него внезапно дошло, что как-то чересчур уж много людей пеклось о так называемом благе школы; как будто в школьных стенах орудовало некое тайное общество. Вдобавок Владлен собственными ушами слышал, как некоторые педагоги странно называют друг друга.

«Ангел, Нора, Крисси, Шафран – кто это вообще? – подумал он. – Нет, Шафран – это Шафран, конфетка с острова История. Господи боже, мне сорок два, я директор школы, а у меня в подчинении люди с погонялами. Одна даже кольцо в губе таскает, хотя я запрещал. Или нет?.. Мама бы мной гордилась».

– Дядя Владлен, ты в порядке?

– Следи за языком, Эв! – рявкнул Сава.

Владлен посмотрел на мальчика затуманенными глазами. Еще одна загадка. В какой момент жизни он сблизился с семьей Абиссовых и их свитой: Ангелом, Норой, Крисси и Шафран? Потрясение Владлена было столь велико, что даже Сава начал встревоженно поглядывать в его сторону.

А потом все сомнения исчезли, не оставив и следа. Владлен вновь ощутил себя властелином школьных угодий, куда изредка забредали глупые следопыты в надежде повстречать величественное существо.

– Эв, это не шутки. У меня есть информация, что ты требовал от Виктории Маноевой показать трусики. В противном случае ты, – Владлен покосился на заметку в блокноте, –

грозился «чудить». Как я понимаю, ты решил идти до конца, правильно?

– Она хотела от меня каких-то подвигов! – быстро проговорил Эва. Его лицо пошло красными пятнами стыда. – Хотела, чтобы я прославился! Заявила: если я не сделаю этого – ее убьют!

– Убьют? Вот как? И кто же?

– Я не знаю. Откуда мне знать?

– Это наш уборщик? Уверен, это он. Только человек с такой обширной лысиной, как у него, мог пригрозить девочке.

– Вы смеетесь, да? – недоверчиво спросил Эва.

– Да, Эв, верно: я смеюсь. Только мне почему-то совсем не смешно.

Стряхнув пепел в мусорную корзину, Владлен опять откинулся на спинку кресла, безжалостно раздавив капельки пота под рубашкой. Дело раскрыто. Эти двое, Эва Абиссов и Виктория Маноева, слишком заигрались во взрослых. Дело молодое, как говорится, но отнюдь не школьное.

– Мне всё ясно, Эв. Надеюсь, этого больше не повторится. Почему? Потому что никто никого не убьет, поверь мне. Это школа, Эв. А здесь никто никого не убивает. И не грозитя этого сделать. Даже за двойки. Ну, чего умолк?

– Она всё выдумывает.

– Или ты, или она, – согласился Владлен. – Кто-то из вас точно приврал.

– И я бы не стал смотреть на них, даже если бы она и

вправду предлагала их увидеть! – с жаром воскликнул Эва. – А она не предлагала! Ничего такого!

– Но ты обязательно скажи нам, если она всё-таки решится, – проговорил Владлен, туша сигарету о стенку коробочки со скрепками. – Мы же здесь все мужики, верно?

– Да, Владлен Маратович.

– Можешь идти, Эв. И подумай над тем, как ты подставил отца.

Сава при этих словах помрачнел:

– Мы с Эвой что-нибудь придумаем, чтобы этого больше не повторилось, так ведь, Эв?

Эва не ответил. Он оцепенело молчал, не сводя испуганного взгляда с директора школы. Словно вглядывался в крошечную тьму колодца, на дне которого вдруг блеснули кольца огромной змеи.

«Что ты видишь, маленький засранец? – Владлен занервничал, борясь с желанием вынуть из коробочки со скрепками окурок и понюхать его. – Хочешь меня напугать? Тебе это удалось. А теперь проваливай, пока я не сказал что-нибудь такое, отчего моя карьера пойдет псу под хвост!»

– Чего замер, Эв? Можешь идти, – повторил он и натужно рассмеялся. – И больше на всякие женские штучки не ведись. А то развода не избежать, будь уверен.

Скрипнув подошвой кроссовки, Эва выскочил за дверь. Владлен и Сава рассмеялись.

В заповедных землях на мгновение воцарилась тишина.

Захлопнув дверь, Эва прижался к ней и почти сразу отступил к стене. Ему не хотелось, чтобы дядя Владлен и отец услышали, как бьется его сердце. Внутри кипела злость на Вики. Он действительно считал, что ей что-то грозит? Здесь? В святыне образования? Перед глазами возник пугающий образ директора школы.

«Поздравляю, дядя Владлен, отныне ты – почетный экспонат "Этхалсиона"», – безучастно подумал Эва и полез за тетрадь. Там же, у стены, принялся быстро писать.

«Только что состоялся неприятный разговор с дядей Владленом, директором школы. Выражаясь его языком, я и впрямь "учудил". Но об этом я напишу позже. Скорее всего, нет.»

В середине разговора дядю Владлена хватил какой-то мертвый удар. Из его рта потекла кровь, казавшаяся черной из-за сигаретного дыма. Дядя Владлен ничего не замечал и всё макал и макал в кровь кончик сигареты. Мне это напомнило один фильм про гангстеров. Эти ребята носили тонкие усики и модные белые шляпы. А еще они окунали сигары в бренди, прежде чем затянуться и отдать приказ, обычно лишавший кого-нибудь жизни.

Сегодня стоит адская жара, и кровь дяди Владлена, пусть и ненастоящая, а нафантазированная, быстро свернулась. Показались первые черви, тоже белые, очень похо-

жие на те, что ползали по учительнице литературы. Они пожирали сгустки крови и ткань испачканной рубашки – фисташковой. Рот дяди Владлена напоминал чудовищную пепельницу, в которой ожила порция рубленых спагетти.

Что с тобой происходит, дядя Владлен? Тебя убивает курение? Или тебя убьет что-то другое? Или это со мной что-то не так?»

Из-за двери раздался усталый голос отца, и Эва вскинул голову.

– Вот и что с этим малолетним идиотом делать?

Внутри Эвы стукнуло черное зернышко обиды и разочарования, будто второе сердечко. Он огляделся. Коридор по-прежнему пустовал. До конца урока оставалось еще где-то десять минут. Разговор в кабинете между тем продолжался.

– А что с ними делать? Гормоны. – Дядя Владлен кашлянул, явно проигрывая второй сигарете в крепости. – Руслан вообще заявил, что из дому сбежит, если я буду ему при всех замечания делать.

– Знаешь, Владлен, какие у моего глаза? Пустые. Будто он постоянно гоняет лысого и находится у самого финиша. Что у него в голове – не понимаю. К кому он приставал-то?

– К Маноевой.

– Маноева? Что-то припоминаю. Неполная семья, если не ошибаюсь. Одна только мать.

– Любопытно, это у них семейное?

– Что именно?

– Делать трусики разменной монетой в подвигах.

Из-за двери донесся смех, и Эва отошел. Ему не хотелось слушать эти мерзости. А в том, что это были именно мерзости, он не сомневался. Прежде чем убрать «Этхалсион», он кое-что быстро дописал.

«Я ощущаю, как Руки сотворяют Клубки. Эта мысль не дает мне покоя. Кажется, я скоро пойму ее».

Он поплелся по коридору. Отец вчера обмолвился, что было бы неплохо в эти выходные рвануть к побережью. Но этот же человек мог дуться по несколько дней кряду, устраивая злобные истерики без особой причины, так что на пляж рассчитывать не приходилось.

Поравнявшись с дверью женского туалета, Эва услышал монотонное бормотание.

Поддавшись неожиданному порыву, он вошел. В туалете царил прохлада, и Эва расслабился, ощущая, что мог бы простоять здесь до самого вечера. Мог бы – если бы не голоса, шедшие из той части уборной, где располагались кабинки с унитазами и раковины с зеркалами. Нужно было лишь повернуть за угол, чтобы увидеть всё это.

– ...дарим свои жизни. Царствие твое будет явственным и вечным, как боль роженицы и крик новорожденного. Молимся тебе, Чёрная Мать, и перерождаемся вместе с тобой.

Эва торопливо вынул «Этхалсион» из рюкзака. Голоса стихли, сменившись неясным бормотанием, и Эву бросило в холодный пот. Он попытался убедить себя, что *реальные*

люди обязательно закрылись бы, занимайся они чем-нибудь столь странным. Неожиданно Эва почувствовал, что неизвестные знают о его присутствии. Но о нём знали все образы и видения, что попадали на страницы «Этхалсиона», разве нет?

Но почему-то именно сейчас Эва был убежден, что в туалете находились всамделишные женщины. Он вздрогнул, когда раздался голос.

– Передавай привет маме, Эв.

Голос был до боли знакомым и естественным, словно его обладательница и Эва повстречались где-то в коридоре. Как будто ничего, кроме вежливости, жары и обманчивой прохлады, не существовало.

Что-либо ответить Эва не успел. В желудке возник тугой ком, и подросток выскочил в коридор, ища дальнюю уборную для мальчиков.

Он бы удивился, узнав, что почти полностью повторил путь Вики.

4

Когда Эва, подгоняемый капризами желудка, вылетел из туалета, Крисси остановила взгляд на Ангеле:

– А мы не сильно его изводим? По-моему, можно обойтись и без этого ритуального бормотания. И сейчас, и вообще. Тем более что оно совершенно нам не подходит.

– Сильно ли изводим? Уж точно не сильнее, чем он сам, –

пожала плечами Ангел. – Я боюсь даже представить, что показывает ему кровь Чёрной Матери и деда-писателя.

Но они все представляли.

Беата называла происходящее с ними Циклом. Никто не знал, как его оборвать или в чём его суть. Истинная природа Цикла была еще одной тайной за семью печатями, как и название красной тетради Эвы или его *настоящее* имя. Но и это меркло по сравнению с Городом. С его пустыми темными улицами, лишенными привычной симметрии и вымощенными панцирями существ, навечно застрявших в утробе смерти. С его шпильями, пронзавшими звездную пустоту, точно веретёна. Эва тоже иногда видел Город, видел чаще остальных, хоть и не всегда осознавал и привечал этот дар.

Попасть в Город, вернуться *домой*, было их единственной целью.

– Я к тому, что мне осточертело шастать по туалетам, – заявила Крисси. – В конце концов, Ангел, у тебя есть личный кабинет. И ключ от него. Ты делаешь два оборота, и мы забываем про освежитель «Каникулы в Италии». Его вонь уже не вымывается из волос.

– Мы там, где и должны быть, – рассудительно возразила Нора. – И так будет всегда, Крисси. Того хочет Чёрная Мать. Того желаем все мы. Даже если под ногами у нас вспыхнет костер, мы лишь пошевелим пальчиками, чтобы стало горячее.

Шафран фыркнула:

– Да о чём вы, подруженьки? Просто мы, девочки, без ума от разговоров в дамских комнатухах. Смиритесь уже с этим.

Все прыснули, а потом и вовсе расхохотались.

Ангел показала Zippo – утерянную на днях зажигалку Савы. Первоклассную, надо отметить. Он толком и не курил, разве что когда сильно нервничал. Однако имел потребность играть с ее крышечкой, таким образом концентрируясь на поставленных задачах. Передав зажигалку Норе, Ангел позвонила Беате. Ответа не было довольно долго. Вероятно, в этот самый момент кто-то из ее помощниц взбирался по лесенке, чтобы вручить трезвонивший смартфон.

Наконец Чёрная Мать ответила:

– Что на твоих крыльях, Ангел? – Голос Беаты звучал глухо. Слышались тихие всплески. Воображение тут же дорисовало тысячи литров молока, насыщавшихся тьмой и ароматом ее тела.

– На моих крыльях звезды, – прошептала Ангел. – Ты действительно позволишь Саве так поступить?

– Ты же знаешь: я бы сделала это сама. Так надо.

– Это всё, что мы хотели узнать.

Беата отключилась, и Ангел взглянула на остальных. Заметила недовольство Кресси, хотя ожидала его от Шафран. Вот уж действительно что-то новенькое.

– Говори, сестра.

– Кого бы Сава ни выбрал, я раздеру этого гаденыша. Фи-

зически ли, ментально – сделаю это. Глотку ему перегрызу. Надеюсь, с этим не возникнет проблем?

Остальные с благодарностью посмотрели на Крисси, и она улыбнулась. Проблем не возникнет. Им всем больно видеть, как страдает Эва. И сегодняшнее, *дальнейшее* его унижение требовало существенной компенсации. Что поделать – истинная любовь всегда настаивает на записи в черном гробу смерти.

Они сосредоточились на зажигалке. Разум Савы напоминал дно пруда, усеянное пиками. Малые и большие, грубые, отравленные и изошренные, пики олицетворяли собой вмешательство в его рассудок. Установки контроля, если угодно.

И на дно предстояло отправить еще одно острие. Позлее и почернее остальных.

5

Кабинет Владлена он покинул в паршивом настроении. Кто бы мог подумать, что Эва способен на подобное? Неожиданно Сава усмехнулся.

«Ты ведь и сам был таким, вспомни, – промелькнула веселая мыслишка. – Где, по-твоему, ты познакомился с Беатой? Ну? То-то же. Жара, поле, сто тысяч человек, груди показывают чаще, чем моют руки. И ни облачка на небе. "СЕМИЛЕТНЯЯ СМЕРТЬ" – возможно, лучшее, что с тобой когда-либо случалось».

«Нет, неправда, – возразил Сава со всей искренностью, на

какую только был способен. – Лучшее, что со мной было, есть и будет, – это Эв, мой сын».

«Лучшее, что с тобой было, – это Беата, – заявила мысль потяжелее. – Только благодаря ей у тебя есть Эва. Но зачем мальчику взрослая женщина? Зачем ему мать? Он просто метит на твое место, приятель. Он не уважает тебя и твою работу. Плюет на общественный транспорт и тех, кто слишком беден, чтобы хорошо питаться или иметь собственную машину. Вдобавок из-за этого гаденыша ты выкурил первую за год сигарету».

– Сигарета, – прошептал Сава, трясаясь от гнева.

В голове словно зажгли свинцовые солнца. Они со звоном толкались, гремели и бились о стенки черепа. К носу явно подступила кровь, но она так и не пролилась, оставшись пудовым давлением где-то в области переносицы.

Пребывая в столь противоречивом и болезненном состоянии, Сава не сразу сообразил, что очутился на третьем этаже, упершись взглядом в табличку с лаконичным обозначением: № 34. Из-за дверей слышалось постукивание клавиатуры, будто в этот момент десятки пальцев охотились за скакавшей мышью.

Сава открыл дверь, заглянул в класс:

– Простите за вторжение... э-э... Эмир Валентинович. Мне нужен Двóйников. С вашего позволения, разумеется.

«Какое еще "позволение"? – вскипел он, на миг опустив голову. – Надо было просто рявкнуть!»

Учитель информатики, старикан с подозрительно красной кожей, как у индюшки, задумчиво кивнул. Из-за дальней парты-одиночки поднялся подросток. На чересчур розовом лице проступили белые пятна.

Сава нетерпеливо помахал мальчику, и тот ускорил шаг.

Это понравилось Саве. Как неожиданно понравилось всё, что этот увалень делал. А числилось за ним предостаточно. Ростислав Двойников, четырнадцати лет от роду, был из той породы людей, что постоянно изнывали от скуки, а развлечь себя могли лишь одним способом – *нарушая*. Из таких обычно получались работники железной дороги или заключенные. Чаще – второе.

Закрыв дверь, Сава еще раз оглядел увальня. На воротнике – нечто зеленое, явно добытое из рудников в носу. Крупный живот туго обтянут школьной рубашкой. Взгляд ленивый, как у обожравшейся свиньи. Сава припомнил, что за подростком закрепилась говорящая кличка «Двойка», хотя продолжительное время ученики звали его «Двойник». Двойка или Двойник – какая, в сущности, разница? Заверните обоих.

«Вот так экземпляр, – мысленно присвистнул Сава. – Я и забыл, как ты выглядишь вблизи. Хорош, мой друг, хорош. Только за этот год два раз помочился на стулья в классах. А это, как ни крути, вдвое меньше, чем в прошлом. Один раз ударил локтем учительницу в живот. Случайно, конечно же. Кто не верит – пусть не учится. Драк и случаев буллинга – не

счесть. В октябре поставлен на учет по делам несовершеннолетних. Что ж, идеальному человеку – идеальная фамилия».

– Помнишь меня? – спросил Сава, упирая руку в стену, рядом с лицом подростка.

Подбородок Двойникова затрясся. Выглядело это так, будто свинья собиралась чихнуть – злая, опасная свинья.

– Я его не трогал. Его никто не трогает. Его даже не дразнят из-за имени.

Сава без лишних слов понял, что Двойников говорит про Эву. А еще ему показалось, что он слышит щелчки утерянной Zirro. Где-то совсем рядом, у самого уха. Успокаивающие. Помогающие собраться с мыслями.

– Значит, помнишь. Ты меня боишься?

– Да.

– А его? Моего сына ты боишься? Отвечай как есть, мальчик.

Свиные глазки злобно сверкнули.

– Его я не боюсь. Его никто не боится.

– А что ты там говорил про дразнилки? Есть какая-то веселая шутка, связанная с идиотским именем «Эва»? Ну же, просвети меня, не бойся. Я тот еще хохмач.

– Ну... Эва – помойная королева.

– Еще.

– Эва – сопля без подогрева.

– Смешно. Еще!

– Эва – червяк из чрева! – сипло выплюнул Двойников.

Правая рука Сава сама выпрыгнула вперед и нашла горло мальчика. Стиснула и прижала эту свинью в рубашке к стене. Левая тем временем откидывала крышку зажигалки. Клик-клак. Клик-клак. «Успокойся, Сава. Всё правильно, всё хорошо, – говорила призрачная зажигалка. – Только не оставь следов на этой рыхлой туше».

– Не смей трогать чрево, из которого он выполз, ты меня понял? Иначе я переломаю тебе ноги, но сперва раздавлю этого слизня, которого ты называешь шейей!

– Да! Да, я понял! – прохрипел Двойников. Задыхаясь, он пытался вертеть головой. – Да... только, пожалуйста...

– Замечательно. Отлично. – Сава отпустил жирдяя. – Мы с тобой прекрасно ладим. А раз так, почему бы тебе не почесать руки об один мешочек с дерьмом? Мешочку – тринадцать лет, вес немногим за сорок семь килограммов, не растает с красной тетрадю. А еще он ненавидит общественный транспорт и питание для детей-льготников. Как тебе, а? Интересно?

– Вы сейчас говорите о своем сыне, да? – уточнил Двойников с выпученными глазами.

– Говорить? Я о нём вообще не хочу говорить! – прошипел Сава и тут же успокоился. Щелчки утерянной зажигалки по-прежнему настраивали его на деловой лад. – Мне всё равно, как это будет и по какому поводу, Ростислав. Понимаешь меня? Административные вопросы, если они возникнут, я улажу. А они не возникнут, будь уверен. Просто развлекись

после этого урока или следующего, и я закрою глаза на что-нибудь еще. Договорились?

К удивлению Сава, Двойников посерьезнел и протянул руку.

– Потом, – сказал Сава поморщившись. – Потом я обязательно ее пожму. Ну, беги в загон.

Проводив подростка обратно в класс, Сава направился к себе. Какая-то его часть с ужасом причитала, указывая, что он нанял школьного громилу, чтобы тот преподавал Эве урок старого доброго кулака.

– Ничего-ничего, будет знать.

Но чего знать – Сава и сам не понимал.

Глава 6. Странности Орджоникидзе

1

Еще раз выглянув в окно, Рита Ехевич кивнула. Где-то в области шеи, той ее части, что плавно переходит в спину, щелкнуло. Возраст не позволял вот так запросто разбрасываться кивками, но Рита ничего не могла с собой поделаться. День обещал быть солнечным и крепким, будто загар пустыни, а значит, белье должно быстро высохнуть.

Она подхватила белый пластиковый таз. Пожалела, что не бросила в стирку кухонные прихватки. Впрочем, ей было глубоко плевать, что там перекручивает и пережевывает стиральная машинка. Ибо всё служило одной цели: выбраться на свежий воздух.

– Зима не зима, лето не лето, – сказала она так, словно это всё объясняло.

Рита почти всю жизнь проработала в должности медсестры-акушерки и лишь на пенсии поняла, что ничего не имеет за душой. Ничего, кроме одинаковых воспоминаний о вечно визжащих засранцах и вот таких редких поводов высунуть нос на улицу.

Количество постирочных дней Риты напрямую зависело от количества солнечных дней в году. Это походило на безумие, но разве безумен тот, кто желает вещам – чистоты, а зябнущим конечностям – тепла? Зимой и в межсезонье, ко-

гда птицы жалобными голосами звали солнце, было особенно плохо: хотелось выть и скрести ложкой по батарее центрального отопления. Да и кто сказал, что Дальний Восток – это солнечная конура, куда забираются, чтобы не ломило кости? В иные дни даже летом приходилось сушить всё дома.

Но сегодня было иначе.

Сегодняшний денек пылал жаром, да таким, что белье подсушивалось прямо в тазу. Солнце ревело, предлагая выстирать какой-нибудь цирковой шатер и посмотреть, за сколько часов он высохнет. И Рита поспорила бы на последнюю ночнушку, что истерзанный шатер просохнет меньше чем за два часа, чтобы уже через сорок минут задышать запахом лошадиного навоза, вываливающегося из этих маленьких лошадиных задниц.

Она поставила таз на банкетку и отперла входную дверь. Засунула под мышку моток бечевки, планируя натянуть ее между сушильными стойками. Вновь подхватила таз, от которого буквально разило мятой и лимоном. Вышла из квартиры – и в оцепенении застыла.

По ступеням, шаркая черными шлепанцами, спускался Матвей Бондарев, повар-вахтовик, проживавший двумя этажами выше вместе с женой.

Спортивные штаны были заляпаны кровью. Казалось, в них повар яростно трудился за мольбертом, используя только один цвет – запретный и чересчур яркий. Белую футболку покрывали розовые пятна пота. Правой рукой повар по-

стукивал по перилам, а в левой сжимал огромный нож-тяпку. С лезвия срывались капли, перерождавшиеся в красные кляксы, – инструмент художника во всей красе. Солнце равнодушно освещало этот спуск.

Ш-шарк...

Нога опустилась на одну ступень.

Д-дум!

Кулак ударил по перилам.

Ш-шарк...

Еще одна ступень позади.

Д-дум!

Кулак опять заявил о себе.

– Жарко... – сорвалось с губ Бондарева. – Как же, чёрт возьми, жарко...

Рита пригляделась. Между пальцами левой руки повара – той, что держала нож, – торчали чьи-то длинные волосы, потяжелевшие от крови. Казалось, последняя попытка перехватить рукоятку ножа закончилась тем, что в хват угодил чей-то локон.

Шею Риты уже вовсю пекло от боли. Последний раз она так стояла, задрав голову и приоткрыв рот, лет этак тринадцать назад. Тогда почти всему персоналу перинатального отделения почудилось, будто бы в зале с верещащими младенцами исчез потолок. Просто растворился, мутировал в стекло, демонстрировавшее *ничто*. словно приоткрылось окно в темный мир циклопических строений и шпилей – вы-

мерший и голодный.

Рита плохо помнила, что именно видела в те мгновения. Разум сам отсеял эти опасные зернышки, что впоследствии могли выложить дорогу из зеленого кирпича, ведущую напрямиком к сумасшествию.

– Матвей... – только и сумела вымолвить она, когда Бондарев приблизился.

– Жарко, тетушка, – повторил он дребезжащим голосом. Его покрасневшие глаза словно пытались уследить за некоей метавшейся точкой. – И Марии было жарко, тетушка. Скоро будет жарко всем. И только океан... один лишь океан... не горит...

Переложив нож в другую руку, он выхватил у охнувшей Риты тазик со свежевыстиранным бельем. Прижал его к бедру и зашагал вниз.

Ш-шарк...

Д-дум!

Ш-шарк...

Д-дум!

На этот раз он постукивал рукой с ножом. Выпавший моток бечевки так и остался лежать на придверном резиновом коврике.

Рита, насколько хватало скорости, развернулась и бросилась в квартиру. Рывком захлопнула дверь. Дрожащими пальцами вогнала запорный крючок дверной цепочки в заводное отверстие.

Но перед тем как позвонить в полицию, она просеменила на кухню и выглянула в окно. Свихнувшийся повар, положив нож в тазик, развешивал ее бельё. Забрасывал его прямо на сушильные стойки. Получались влажные и разноцветные привидения, хлопавшие на ветру. И почти каждое из них было отмечено кровью.

Губы Риты растянулись в чудаковатой старушечьей улыбке.

Она всё-таки не забыла постирать прихватки.

2

Илья полагал, что вызов будет самым обычным.

Без двадцати одиннадцать в дежурную часть поступило сообщение о мужчине с окровавленным тесаком, бродившем по подъезду пятого дома по улице Орджоникидзе. Нарушитель общественного порядка был поваром, и Илья подумал, что дело сводится к банальной забывчивости: кулинар что-то стряпал, увлекся и в неподобающем виде выскочил в подъезд, перепугав жильцов.

Но сейчас, глядя на сушильные стойки, Илья не думал ни о банальности, ни о чём-либо еще. Обширный двор, объединявший две допотопные пятиэтажки, заливало солнце, и в его лучах испачканное кровью бельё напоминало насесты, ожидавшиеся чудовищных аистов.

Илья взглянул на небо. Ничего. Только жара неторопливо раскатывалась над городом.

– Какая квартира, Маргарита? – терпеливо спросил Семён Абалухов, обращаясь к старухе, вызвавшей наряд полиции. – Вы ведь понимаете, что должны сообщить этаж и номер квартиры вашего повара? Понимаете, да?

– Да? – растерянно уточнила Рита.

– Да, господи боже. Да.

Они стояли у подъезда, прячась в тени козырька, и Абалухов изо всех сил пытался быть вежливым. Впрочем, с той же предупредительной вежливостью майор держал руку на кобуре пистолета.

– Мою жену тоже зовут Маргарита, – сказал Абалухов, – но для меня она, знаете, просто Ритусик. Вас ведь тоже кто-то называет так, верно?

Старуха оживилась. Ее помутневшие голубые глаза неотрывно следили за кошмарным танцем белья на ветру.

– Для друзей я всегда была Ритусиком. Иногда во сне меня так называют. Кажется, эти голоса идут из города. Ну, из такого страшного. Эта дура Ейльман посчитала, что всё было по-настоящему. Ну, когда возникли те жуткие башни, сожравшие потолок. Она и уволилась после того случая. Я и сама...

– Этаж, Маргарита. Назовите нам хотя бы этаж.

Илья посмотрел на землю. Редкие капли крови, едва заметные на траве и асфальте, представляли собой наглядную карту перемещения подозреваемого: он вышел из подъезда, напетлял среди сушильных стоек, потом вернулся.

– Сёма, время уходит. – Илья наконец оторвался от следов и посмотрел на майора. – А если этот кретин прямо сейчас продолжает кухарничать? Я прямо-таки вижу, как Каменев открывает рот и откусывает нам головы. Но сперва, разумеется, тебе – как старшему.

На щеках Абалухова возникли белые пятна.

– Ладно, пошли. Спасибо, Маргарита, вы нам очень помогли.

В подъезде их уже поджидали старшина Тимур Давыдов, едва ли не самый высокий и волосатый в третьем отделе, и взволнованный парень в униформе сотрудника МЧС.

– С годами эти орешки всё крепче, да? – заметил Давыдов, находя смущение майора крайне забавным.

– Не знаю, – огрызнулся Абалухов. Он вздохнул и первым углубился в полумрак подъезда. – Знаю лишь, что мне не платят, чтобы я эти самые орехи колол.

Давыдов хмыкнул, а Илья улыбнулся. Не успели они сделать и несколько шагов, как подала голос старуха.

– Передайте этому сукину сыну, что он испортил мои лучшие прихватки! – выкрикнула она, злобно щурясь.

Илья и остальные посмотрели на нее, но ничего не ответили.

3

Подъезд напоминал бетонную парилку, и в этой самой парилке кто-то пролил кровь.

Илья, поднимавшийся сразу за Абалуховым, расстегнул кобуру и вынул пистолет. Ощутил себя как в плохой комедии – тем идиотом, который ни разу не стрелял в человека, хотя не первый год тянет полицейскую ляжку. Не то чтобы стрельба по людям была непременно атрибутом службы, но порой мир не оставлял шансов. И тогда в разговор вступали «громовые палки» и другие «громовые штуки», назначенные государством, чтобы люди уважали друг друга и в первую очередь закон.

Вскоре их группка замерла на площадке четвертого этажа. Сбитый коврик из искусственного войлока недвусмысленно указывал, что кровавый след начинался именно здесь и сюда же возвращался, сузившись до цепочки редких капель, обходящих основное кровавое празднество по дуге. Возвышавшаяся над ковриком дверь представляла собой черно-серое стальное полотно, утопленное в коробе. Цифры «72» тускло блестели.

Парень из МЧС напустил на себя важный вид и подсел к двери. Бегло осмотрел ее.

– Так-так-так, два замка. Один – сувальдный, врезной, хороший. Второй – накладной, дерьмовый. Говно, в общем. – Он вопросительно посмотрел на Тимура Давыдова. – Мне дверь сразу выкорчевывать? Или вы там что-то сперва сделаете или скажете, ну, как всамделишные полицейские из криминальной хроники?

Старшина с улыбкой переадресовал взгляд Семёну Аба-

духову, и тот со вздохом занес указательный палец над кнопкой звонка. Задумался. Потом встал правее двери и посмотрел на парня.

– Как зовут?

– Даня. – Парень забросил в рот зубочистку. – Лучше – Даниил. Как на серьезной работе. Мы же на работе, так?

– Готовь инструменты, Даня. И выплюнь эту дрянь, пока не подавился.

Дверь находилась напротив лестничного марша, уводившего наверх, к затопленному солнцем узкому окну. Слева еще оставалось место, и Илья прижался к стене, зацепив плечом электрощиток. Покосился на показатели: цифры семьдесят второй квартиры уверенно бежали вверх.

– Дома кто-то есть. Счетчик крутит как сумасшедший.

– Надеюсь, это работает кондиционер, – пробормотал Давыдов. Он опустился на две ступени. – Господи, Семён, позвони уже в чертову дверь, пока у нас мозги не спеклись.

Палец майора утопил розоватую кнопку. Раздалась омерзительная трель севшего звонка. За дверью послышалось копошение, кто-то кашлянул, и Илья приготовился услышать привычное: «Кто там?»

– А Матвея нет дома, – донесся визгливый голосок. – Он и Мария отправились собирать асфальт. Взяли мешочки и пошли. – Голос хихикнул. – Асфальт в это время года пахнет чудесно, не правда ли? Матвей и Мария выложат его в широкую вазу и будут нюхать, пока не захлебнутся слюнями

от восторга.

– Матвей, это вы? – Абалухов показал жестом, чтобы все приготовились. – Это полиция. Откройте, пожалуйста.

Из-за двери раздалось мычание, словно некто, кривляясь, изображал муки раздумья.

– Матвей, чья у вас кровь на коврике? Вы пугаете соседей. Кто-то пострадал? Мы ломаем дверь, если вы будете упрямиться.

Голос опять заговорил. На этот раз он шипел и плевался.

– Я резал жару, разве не ясно? И я, чёрт возьми, показал ей! Показал этой несносной суке, кто в доме хозяин! Достало ее вечное нытье! Вечное недовольство! Чертова потаскуха!

– Будьте паинькой, Матвей, и откройте дверь, – попросил Абалухов с четко отмеренным спокойствием в голосе. – Я не хочу применять силу, понимаете? Сегодня для этого слишком жарко, не находите?

– Я не хочу с тобой говорить, червяк! Усек это?! Кивни, если усек!

Майор кивнул, но кивок предназначался парню, замершему на корточках у двери. Руки парня уже лежали на чемоданчике с инструментами.

«Всё будет совсем не так, как мы ожидаем, – вдруг подумал Илья. – За дверью обнаружится не только повар, но и та кроха с молоком. Они будут сидеть в круге из маленьких мертвых собачек и гадать, почему те не воскресают... Господи, я не хочу ни в кого стрелять. Ни сегодня, ни завтра –

никогда».

Парень достал из чемоданчика аккумуляторную дрель и приставил ее к двери. Кончик сверла отыскал личинку нижнего замка, готовясь задать ей хорошую трепку. На плечо парню легла ладонь майора.

– Даня, Даня. А если этот кретин пальнет через дверь – что тогда? Прикажешь твои мозги в дуршлаг собирать? Твоя мама не обрадуется такому подарочку, как думаешь?

Произнес это Абалухов мягко и в чём-то даже проникновенно. И так же мягко отодвинул голову опешившего парня подальше от двери. Тот обиженно надулся и попытался найти упор в новом положении.

Дрель взвизгнула разок-другой и начала вгрызаться в запорный механизм. Подъезд наполнил неприятный и визгливый скрежет.

– Семён! – позвал Илья.

– А?

– Твой поганый язык когда-нибудь поцарапает кошка!

Парня как напугал!

Парень, нахохлившись еще больше, сделал вид, будто ничего не услышал. Полицейские улыбнулись. Как бы то ни было, у Ильи отлегло от сердца, когда Абалухов дал парню этот совет – держать голову подальше. Возможно, это был совет всей его жизни.

Некоторое время, пока работала дрель, Абалухов размышлял над замечанием Ильи, а потом развел руками:

– Если кому-то должно приспичить, Млечный, будь уверен: этому кому-то приспичит именно на тебя.

Давыдов не без иронии заметил:

– Звучит так, будто кто-то переделал Закон Мёрфи.

– Пусть этот Мёрфи подаст служебную записку, и я всё переделаю обратно, – отмахнулся Абалухов.

Илья и Давыдов сдавленно хохотнули.

Сквозь шум работающей дрели прорвался отчетливый хлопбк. Ничего не понимая, Даня выключил дрель. Завертел головой. Его примеру последовали остальные, пытаясь поймать глазами то, что уже уловили уши.

В навалившейся тишине что-то прыгало. Судя по звуку, что-то твердое и металлическое. Наконец все увидели, что это. По лестничной клетке метался маленький серый комок, напоминавший свинцовую жвачку. Подкатившись к двери соседней квартиры, он замер.

Илья буквально физически ощутил, как их взгляды, такие тяжелые и скрипучие, устремляются к пулевому отверстию, возникшему десятью сантиметрами выше рассверленной личинки замка. Абалухов покраснел, словно это был не выстрел, а пошлая шутка, и дернул на себя Даню. Парень завалился на правый бок и с испугом вцепился в ногу майора. Дрель с грохотом выпала из рук.

Не дернулся и не вздрогнул лишь старшина. Его лицо побелело. Над правой бровью кровоточила ссадина – метка, оставленная скакавшей пулей.

– Я его пристрелю, – прошептал Давыдов. Он потрогал лоб и с изумлением уставился на кровь, растер ее на пальцах. – Этот ублюдок чуть не подстрелил меня!.. Точнее, подстрелил... то есть не до конца... Я его пристрелю. Я его...

Говорить старшина мог долго, особенно на фоне какого-либо потрясения. Собственно, только поэтому он до сих пор и оставался в столь низком звании для своих тридцати четырех лет. Илья оттолкнулся от электрощитка и врезался в старшину, увлекая его за собой. Оба, стиснув зубы и охая, съехали по ступеням на пару метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.